

НОВАЯ ПОЛЬША 10/2005

Содержание

1. В ЭТОМ ЗАЛЕ
2. ПОЛЬША И УКРАИНА: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ
3. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
4. НАЦИЗМ И КОММУНИЗМ: ВМЕСТЕ В ОДНОЙ ЕВРОПЕ
5. ПЛЕННЫЕ КРАСНОАРМЕЙЦЫ В ПОЛЬСКИХ ЛАГЕРЯХ
6. УРЛА, или БОЛЬШОЕ КИДАЛОВО
7. КОРОЛЕВСКИЙ ПАВЛИН
8. СТИХОТВОРЕНИЯ
9. ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ
10. БИБЛИОТЕКА «РУССКИЕ КНИГИ»
11. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
12. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В ЭТОМ ЗАЛЕ

29–31 августа в Варшаве (с выездом в последний день в Гданьск) проходила юбилейная конференция, посвященная 25 летию создания “Солидарности”, на которую пригласили и меня. Конечно, несколько сот человек, приглашенных на конференцию, участвовать по-настоящему (кроме как выслушивать одну юбилейную речь за другой) не могли, но мне хотелось сказать нечто, показавшееся мне важным и даже, может быть, не совсем юбилейное. Сказать – не вышло (о чем см. ниже), и я сначала думала опубликовать задуманный текст под заголовком “Из непроизнесенного”. Однако Наталья Ворошильская, дочь моего покойного друга поэта Виктора Ворошильского, попросила меня выступить перед микрофоном русской редакции радио “Полония”, что я и сделала с большим удовольствием. Этот текст (с незначительными поправками) я и предлагаю читателям “Новой Польши”. Конечно, он более развернутый, чем если бы я выступила на конференции, где мне, может, дали бы две–три минуты, но тем лучше: мысли мои будут выражены не чересчур конспективно.

Я была очень рада, что меня пригласили на празднование юбилея “Солидарности”. Во-первых, потому что для меня “Солидарность” очень много значит. Это кусок моей жизни, и не только профессиональной как журналиста, но и личной. Это многочисленные встречи, дружба с людьми из “Солидарности” и вокруг “Солидарности”. Кроме того я думала, что если меня пригласили из Парижа приехать в Варшаву, то, значит, это все-таки признание того, что я делала в свое время для “Солидарности”. Этим моим занятием были на протяжении многих лет обзоры в “Русской мысли”, еженедельные, большие; переводы многих текстов с польского; работа в “Континенте”, где я тоже занималась в первую очередь польскими делами.

Меня не было в списке выступающих на конференции, и я этому несколько не удивилась, потому что Россию, притом сегодняшнюю Россию, представлял Сергей Ковалев. Я все-таки не живу в России и не настолько хорошо могу сказать, что там сегодня происходит, как мой старый друг и соратник Сережа Ковалев. Но мне захотелось участвовать в дискуссии после выступлений журналистов.

На второй день была специальная сессия о прессе. В фойе была развернута выставка “Солидарность на первых страницах западной прессы”. Там, конечно, были “Монд”, “Вашингтон

пост”, “Нью-Йорк таймс”, “Тайм”, другие — итальянские, немецкие и прочие — газеты и еженедельные журналы, все выходящие огромными тиражами. Но нашей “Русской мысли” там, конечно, не было. Это меня очень огорчило, и с этого я собиралась начать свое выступление в дискуссии. Сразу объясню, почему я не выступила. Я думаю, тут не было никакой злой воли, на меня действительно не хватило времени. Я записалась в дискуссию поздно, все уже должны были идти на следующее мероприятие, уже и так все кончалось позже назначенного времени. И получилось, что мне слова не дали.

Я хотела начать выступление с того, что мне очень горько, что на этой выставке я не увидела первых страниц газеты, о которой замечательный польский писатель Густав Герлинг-Грудинский говорил, что у нее самый лучший польский информационный сервис на Западе — как он подчеркивал, не исключая даже польских газет и еженедельников. На первые страницы “Русской мысли” Польша попадала неоднократно и уже не сходила с августа 1980 го. Я же сама пришла работать в газету уже после объявления военного положения и писала большущие — на шестнадцатистраничную газету — обзоры: одна, полторы, две, а иногда и три страницы. Это не считая того, что у нас появлялись одновременно еще какие-то интервью, переводы и т.п. Все это было бы невозможно, если бы это было только мое чистое желание, если это бы не было линией нашего главного редактора — Ирины Алексеевны Иловайской.

И когда я дохожу до этого момента и говорю о своей работе, о работе Ирины Алексеевны, я вдруг с удивлением понимаю, что в нынешней дискуссии о журналистике участвовали только журналисты — ни одной журналистки, хотя, кстати, и на Западе я бы могла назвать журналисток, которые этим занимались, например Вероник Суле из парижской “Либерасьон”. Но, может быть, это отсутствие женщин и даже упоминаний о женщинах в дискуссии о прессе не случайно, так как вообще на всей этой конференции с высокой трибуны слово было предоставлено единственной женщине — Мадлен Олбрайт. А ведь все мы знаем — да и здесь иногда слышались упоминания — о роли хотя бы отдельных женщин в возникновении “Солидарности”, таких, как Анна Валентинович, Иоанна Дуда-Гвязда, Алина Пеньковская. Еще нельзя забыть такую вещь, о которой я когда-то, и неоднократно, писала в “Русской мысли”, что самый жестокий приговор во время военного положения, 10 лет тюремного заключения, был вынесен именно женщине — библиотекарю Эве Кубасевич.

А возвращаясь на свою журналистскую колокольню... — всем известно, что практически почти всю прессу “Солидарности”, оппозиции до “Солидарности”, а при военном положении — прессу подполья делали на 90% женщины. Я хотела бы привести всего один пример. Я думала, что в том зале, где я выступала, этот пример был всем известен. Это Иоанна Щенсна. В 1976 г. она стала учредителем и редактором информационного бюллетеня КОРа (Комитета защиты рабочих). Помню, мы тогда в “Континенте” опубликовали целиком первый номер “Информационного бюллетеня” под заголовком “Первый номер польской „Хроники””, имея в виду “Хронику текущих событий”, учредителем и первым редактором которой была, в свою очередь, я. (Иоанна Щенсна была, как и я, необъявленным редактором, и я тогда про нее ничего не знала). Потом она стала одной из учредительниц “Агентства Солидарность” во времена “Солидарности”, одной из трех главных опять-таки учредительниц и редакторов (по-польски для этого есть слово “редакт(рка)”) подпольного “Тыгодника Мазовше”, одного из важнейших информационных изданий подполья вплоть до 1987-1988 года. Сидящие в зале конференции могли бы прибавить еще десятки имен женщин, работавших в независимой прессе.

Должна сказать, что я никогда не была феминисткой и пока что ею не стала. Но в этом зале на несколько минут я почувствовала себя почти настоящей феминисткой. Я увидела, что женщин в известном смысле дискриминируют.

И все-таки я хотела сказать не только о том, что меня огорчило. Я хотела закончить свое выступление словами о том, чем я обязана “Солидарности”. Тут у меня само собой возникало сравнение с тем, что говорил выступавший на сессии Бернар Гетта — во времена “Солидарности” корреспондент газеты “Монд” в Варшаве. Он говорил, насколько новыми для него самого, вообще для западных людей и для журналистов, работающих здесь, были идеалы “Солидарности”, ценности “Солидарности”, методы “Солидарности”. Метод открытой борьбы мирными средствами. Сама идея солидарности.

И я хотела сказать, что я тоже не только работала для “Солидарности”, но еще и очень много от нее получала. Однако, что касается борьбы мирными средствами, то это всегда был лозунг нашего правозащитного движения в Советском Союзе, еще до того, как возникла “Солидарность”. Кстати, я думаю, что оппозиционное движение в Польше, предшествовавшее “Солидарности”, может быть, отчасти от нас этому и научилось. Не от “Солидарности” приняла я и саму ценность

солидарности, поскольку, скажем, таким актом солидарности была наша демонстрация на Красной площади 25 августа 1968 года против вторжения в Чехословакию. Демонстрация, на которую мы вышли, в частности, с лозунгом “За вашу и нашу свободу”. И за эту солидарность мы все, так или иначе, отсидели, кто в лагере, кто в ссылке, а кто, как я и мой друг Виктор Файнберг, — в психиатрических тюрьмах.

Но вот что для меня стало важным уроком “Солидарности”... С августа 80 го до декабря 81 го это всё был праздник — праздник с опасениями, долго ли он продлится. И в декабре стало ясно: праздник кончился. И вот после того, как праздник кончился, я начала получать мой главный урок. Я всегда была уверена, что рано или поздно коммунизм рухнет. Иначе не могло быть: это слишком противоестественная система, противоречащая природе человека. В то же время я считала его достаточно крепким и укрепившимся, чтобы надеяться, что он рухнет при моей жизни, что я это увижу. И в этом смысле я никогда не была оптимисткой. Я считала, что надо быть пессимистом, думать, что все будет плохо, и действовать, чтобы все было не так плохо, как они хотят (на мой взгляд, оптимисты — это те, кто считает, что все будет хорошо, а значит, посидим-подождем). И вот, когда наступило военное положение, в первые месяцы, даже в первые недели, я увидела, насколько широко в Польше сопротивление, открытое и подпольное. С забастовками — жестоко подавленными, демонстрациями — разгоняемыми (с применением огня, а не только слезоточивых газов), с подпольной печатью, множеством всяческих актов другого рода, изобретательностью. Я увидела, что в этих неблагоприятных условиях уже всерьез рождается то гражданское общество, которое во время открытой “Солидарности” как будто родилось, но на самом деле, как стало понятно потом, было еще в зародыше. Оно рождается, и с ним ничего не поделать.

Репрессии все время были очень серьезные. Не такие, конечно, страшные, как в Советском Союзе. Я уже назвала самый жестокий приговор, но надо сказать, что и Эва Кубасевич этот приговор не отсидела. По-моему, ее выпустили года через три. “Международная Амнистия” объявила ее “узником года”. За нее шла борьба, и ее выпустили. Люди, просидевшие во время военного положения три, четыре, даже не знаю, просидел ли кто-нибудь подряд пять лет, — это были уже просто “старые ээки”. Не говоря о том, что некоторые из них сидели и до “Солидарности”. И все-таки в те годы, когда у нас давали, скажем, семь лет лагеря и пять лет ссылки по первому разу, десять и пять — по второму, конечно, приговоры были

несравнимые. Слабость коммунистической власти в Польше ощущалась. То есть она и хочет, и чего-то не может. И видно, что Советский Союз, даже до всякой перестройки, уже не может ее полностью поддержать. Это, кстати, выразилось в том, что польским коммунистам пришлось самим объявлять военное положение, на чем настаивало советские политбюро, которое к этому времени уже не хотело заниматься вторжением, чувствуя, что это может плохо кончиться...

Чем я обязана всему этому огромному движению сопротивления? Тем, что я наконец начала верить и даже, честно говоря, *видеть*, что, может быть, коммунизм рухнет скорее, чем я думала. Хотя я никаких сроков не ставила, но все-таки *скорее*. И что, может быть, вдруг я все-таки до этого доживу. Но, к счастью, это произошло *еще скорее*.

И за эту надежду — а я человек, очень не любящий надеяться, — за эту осуществленную надежду я по гроб жизни обязана “Солидарности”, “Солидарности” как широкому гражданскому движению, не только как профсоюзу, который был как бы стержнем этого движения. Я обязана этим *всем* наследникам “Солидарности”, как бы они сегодня не перессорились между собой. Мне они дороги *все*. Все они поработали на то, чтобы коммунизм рухнул, чтобы советская империя рухнула, чтобы Советский Союз развалился — что для меня, сторонницы самоопределения народов, давней-давней сторонницы, было не менее важно, чем крушение самого коммунизма. Я знаю, что эта точка зрения может оказаться среди части моих слушателей непопулярна, и тем не менее я ее подчеркиваю. Спасибо большое за то, что вы меня выслушали.

ПОЛЬША И УКРАИНА: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Теперь, после того как и Польша, и Украина обрели независимость, об отношениях двух стран принято говорить, что они хорошие, как никогда прежде. В этом утверждении есть некоторое публицистическое преувеличение (в конце концов обе страны впервые в истории, не считая давнего прошлого, имеют возможность вполне самостоятельно формировать взаимные отношения), однако оно действительно еще никогда не было столь близким к истине, как ныне. Огромное значение имели события осени и зимы прошлого года. Во-первых, в дни “оранжевой революции” украинцы продемонстрировали, насколько близки им такие ценности, как свобода, правда, солидарность — ценности, которые поляки тоже считают фундаментальными. Во-вторых, в добивавшихся уважения к своему выбору украинцах поляки увидели как бы самих себя времен борьбы с тоталитарной диктатурой. А это вызвало — несмотря на некоторые сложности во взаимоотношениях в прошлом — не отмечавшуюся прежде на берегах Вислы волну солидарности с украинской демократией и поддержки украинского общества как такового. Не опасаясь преувеличения, можно сказать, что “оранжевая революция” вывела польско-украинские взаимоотношения на невиданный по своим масштабам “массовый уровень”. Теперь самое главное — не упустить достигнутое и одновременно расширять польско-украинские отношения во всех возможных областях.

События прошлого

С того момента, как Польша и Украина стали суверенными государствами, наибольшую напряженность в двусторонних отношениях, как это ни парадоксально, вызывали не текущие политические разногласия, а события прошлого. Главными очагами, вокруг которых возникали исторические споры, вызывавшие порой серьезные кризисы во взаимоотношениях, были: польско-украинская война 1918–1919 гг. (ее символом стало польское воинское кладбище во Львове, которое в Польше обычно называют Кладбищем Орлят), а также наследие II Мировой войны, в частности, бремя польско-украинского конфликта, в котором для польской стороны символом является антипольская операция УПА на Волыни, в Подолье и

Восточной Галиции, а для украинцев — операции “Висла”, переселение украинского населения из юго-восточной в северную и западную части Польши.

Хотя процесс исторического примирения поляков и украинцев не был простым и безболезненным, следует отметить (учитывая относительно недолгий период свободного польско-украинского диалога), что народам обеих стран удалось достичь в этом процессе весьма многого. Главное, что они начали создавать (либо восстанавливать) как настоящие, так и символические кладбища жертв польско-украинских конфликтов в XX веке: польско-украинской войны — на Украине во Львове, а в Польше — в Перемышле, Александрове-Куявском, Калише-Щипёрне, Варшаве и Кракове; конфликтов во время и сразу после II Мировой войны — на Волыни и в юго-восточной части Польши). Процесс этот идет медленно и в прошлом неоднократно вызывал напряженность. Успех поляков и украинцев состоит в том, что эта напряженность не испортила текущих двусторонних отношений. Следует особенно подчеркнуть, что когда из-за событий прошлого возникал кризис, то диалог продолжал осуществляться благодаря поддержке сторонников сотрудничества по обе стороны границы (важнейшей, вероятно, стала первая польско-украинская встреча 1 ноября 2002 г., которая сопровождалась общей молитвой на польском и украинском воинских кладбищах во Львове и состоялась меньше чем через полгода после кризиса вокруг Кладбища Орлят, ставшего причиной отмены визита президента Польши на Украину). В последние месяцы новым и чрезвычайно важным явлением стало то, что в польско-украинский диалог включились римско-католические и греко-католические епископы, которые 18 июня 2005 г. обратились к верующим с письмом, содержащим призыв к взаимному прощению и примирению. Это настойчивое стремление к диалогу, а также готовность обеих сторон искать компромисс принесли свои плоды в июне нынешнего года: состоялось официальное открытие Кладбища Орлят и кладбища воинов Украинской Галицийской армии во Львове, в котором приняли участие президенты обоих государств. Один из самых длительных споров в двусторонних отношениях завершился. Однако это не означает, что история больше не будет вмешиваться во взаимоотношения двух стран. Чтобы ее роль не была отрицательной, необходимо продолжать неустанный диалог между польскими и украинскими историками и в результате вносить необходимые изменения в учебники истории по обе стороны границы; требуется также завершить процесс создания мест памяти жертв польско-украинского конфликта. И хотя этот процесс, наверняка, не

будет легким, тем не менее, учитывая имеющиеся достижения в польско-украинском сотрудничестве в этой области, можно и здесь выразить осторожный оптимизм.

Политические взаимоотношения

В области политических взаимоотношений обе страны стоят перед серьезным вызовом. Как Польша, так и Украина переживают период смены власти (в Польше политическая “смена караула” произошла осенью текущего года, на Украине она наступит весной будущего года), и чрезвычайно важно, чтобы накопленный до сих пор капитал в области польско-украинского политического сотрудничества не оказался после выборов растраниженным (что касается Польши, то там нет такой опасности, ибо к власти пришли политические силы, активно участвовавшие в поддержке демократических перемен на Украине; значительно труднее предвидеть, как сложится политическая ситуация после украинских парламентских выборов). Еще один серьезный вызов — выработать и проводить эффективную политику на международных форумах в контексте кризиса внутри Евросоюза (возникшего вследствие проигранных референдумов по конституции во Франции и Голландии). Сложности в этой области возникают по причинам как внутренним, так и внешним. Самая серьезная трудность в эффективном лоббировании Польшей украинских национальных интересов — нестабильная поддержка стремления Украины в Европу самим украинским политическим классом (самым красноречивым тому примером стало парламентское голосование по пакету законов, необходимых для вступления во Всемирную торговую организацию). Внутренний кризис в Евросоюзе ведет в свою очередь к тому, что нелегкий и прежде процесс формирования Польшей коалиции в пользу членства Украины в ЕС, становится еще труднее. Это не означает, что он не может завершиться успехом. Тут самый главный капитал Украины — относительно высокая (как показывают данные опросов) поддержка стремления Украины в ЕС в странах-членах Евросоюза. Она куда выше, чем поддержка Турции, уже несколько десятилетий остающейся кандидатом на вхождение в европейские структуры. Членство в ЕС для Украины — цель стратегическая. Тем не менее было бы непростительной ошибкой сводить польско-украинские политические взаимоотношения в целом лишь к этому вопросу, ибо вне зависимости от того, когда интеграционные устремления Украины увенчаются успехом, польско-украинское политическое сотрудничество было и

остаётся важным элементом стабильности и безопасности в нашем регионе Европы.

Экономика

Польша занимает одно из первых мест в списке торговых партнеров Украины: на пятом месте как партнер Украины по экспорту и на четвертом — по импорту. В 2004 г. объем товарооборота между двумя странами превысил 3 млрд. долларов. Следует подчеркнуть, что в последние десять лет в объеме товарооборота постоянно сохраняется тенденция роста.

В перспективе значительно более важным фактором, чем товарооборот, представляются инвестиции, ибо именно они стабилизируют экономическое сотрудничество. До конца 2004 года инвестировали главным образом поляки. На Украине работает около тысячи польских и польско-украинских фирм. По общему объему польских капиталовложений, составляющему около 200 млн. долл., наша страна занимает седьмое место среди иностранных инвесторов на берегах Днестра. Самой значительной польской инвестицией на протяжении многих лет была покупка польским “Кредит-Банком” Западно-Украинского коммерческого банка (теперь собственность банка ПКО). В последнее время на Украину начали поступать инвестиции крупнейшего польского страховщика ПЗУ. Но больше всего денег польские предприниматели вкладывали на Украине в малый и средний бизнес. Следует отметить тот факт, что объем польских инвестиций за последние два года почти удвоился. Будет ли эта тенденция сохраняться, зависит прежде всего от экономической политики Киева, от того, справится ли новая правительственная команда с разгулом коррупции и станут ли прозрачными вводимые ею правила игры в экономике (первые, несколько поспешные шаги правительства Юлии Тимошенко, когда без переходного периода ликвидировались свободные экономические зоны, к сожалению, не способствовали созданию образа Украины как страны с благоприятными условиями для инвестиций).

Вступление Польши в Евросоюз сделало польскую экономику более привлекательной для инвестирования (благодаря более легкому доступу на рынки внутри ЕС). Этот положительный аспект оценил и крупный бизнес Украины. В первой половине текущего года в завершающую фазу вступили переговоры о двух крупных украинских инвестициях в Польшу: Индустриальный союз Донбасса покупает металлургический комбинат “Ченстохова”, а к “Автопазу” переходит завод по производству легковых автомобилей “Жерань”, оказавшийся в

исключительно трудных обстоятельствах после того, как обанкротился его прежний владелец — корейский концерн “Дэу”. Объем инвестиций в один только комбинат “Ченстохова” должен составить 1,25 млрд. злотых (около 380 млн. долл.).

Общество

“Добавленной стоимостью” “оранжевой революции” стал, как я уже отмечала выше, весьма важный “массовый уровень” польско-украинских контактов. Непростительным грехом политиков по обе стороны границы было бы растратить капитал взаимной симпатии. Чтобы этого не случилось, необходимо прежде всего организовать обмен молодежью — используя опыт уже действующей программы польско-германского обмена молодежью (эта модель дает возможность действовать в масштабе, весомом с общественной точки зрения, а кроме того предусматривает совместную ответственность, в том числе финансовую, обоих государств за контакты молодого поколения). Необходимо расширение рамок существующих программ стипендий (для молодых ученых; им. Л.Киркланда для молодых лидеров; “Gaude Polonia” для творческой интеллигенции и переводчиков польской литературы), с тем чтобы как можно больше молодых украинцев получило возможность учиться в Польше и знакомиться с нашей страной. Настало время окончательно определить официальный статус Европейской коллегии польских и украинских университетов и расширить ее деятельность.

Большую роль во взаимных контактах играли и по-прежнему могут играть неправительственные организации (добивающиеся получения средств на свою деятельность, в частности, из зарубежных источников). Многие из них (в том числе Фонд им. Стефана Батория, фонды “Новый Став”, “Просвещение для демократии”, “Возрождение”, “Школа лидеров”, “Наш Станислав”, фонды Института восточных исследований, “Польско-Чешско-Словацкой солидарности”, ассоциации “Лэва”, Восточноевропейский демократический центр) на протяжении многих лет сотрудничают с партнерами по другую сторону границы: прекрасно ориентируются в польской и украинской специфике, стремятся попасть в самые отдаленные уголки в обеих странах, и — что также немаловажно — их деятельность обходится относительно дешево. На протяжении последних лет много было дискуссий о необходимости создать специальный фонд для поддержки неправительственных организаций. Будем надеяться, что этот

проект в конце концов осуществится (в последние два-три года в бюджете Польши были выделены средства на эти цели, а партии, победившие на минувших выборах, например, “Право и справедливость”, обещали создать Фонд добрососедства).

Прежде в польско-украинских контактах отношение к культуре было как к Золушке, хотя как раз культура может служить прекрасным инструментом взаимного познания и формирования связей между народами обеих стран. В этом вопросе мало что изменилось в связи с проведением Года Польши на Украине и продолжающимся, хотя и мало заметным проведением Года Украины в Польше. Ибо проводимые время от времени акции не заменят систематической работы по всестороннему представлению достижений в области культуры соседней страны (так, чтобы, например, украинская культура не ассоциировалась в Польше исключительно с фольклором). Об успехах в этой сфере мы сможем говорить лишь тогда, когда польские и украинские деятели культуры будут систематически появляться в культурном пейзаже соседней страны, а не только по случаю специально организованных “годов” или “сезонов”. Причем речь идет не только о высокой культуре, но и о популярной, ибо она-то и доходит до самого массового потребителя. Дождемся ли мы того времени, когда, например, киевские радиостанции будут транслировать наряду с украинской и русской польскую легкую музыку?

Один из самых важных вопросов, влияющих на качество наших взаимоотношений, — сама возможность пересечения границы. Речь тут идет и о процедуре выдачи виз, и о том, что происходит на границе. Если бы договор между Польшей и Украиной о визах выполнялся в полном объеме, то он не создавал бы больших трудностей во взаимных контактах (не будем касаться обременительности самого прохождения необходимой визовой процедуры). Однако некоторые положения договора применяются весьма ограниченно (например выдача, годичных виз лицам, занятым в сфере экономического, научного и культурного сотрудничества). Серьезного внимания требует и вопрос улучшения качества пограничных и таможенных процедур — их прежде всего необходимо ускорить (в частности, путем обуздания коррупции). Оба этих вопроса приобретают тем более важное значение, что из-за террористических актов, происшедших в последние месяцы, режим на европейских границах весьма ужесточился (например, Франция восстановила паспортный контроль). А ведь ежегодно наши границы пересекают миллионы поляков и украинцев (в прошлые годы таких пересечений было от 6,5 до 8 миллионов).

Теперь на повестку дня в польско-украинских отношениях встал вопрос о том, чтобы украинцы могли получать легальную работу в Польше, и это действительно серьезная проблема. По некоторым оценкам, в Польше работает около 300 тысяч украинцев, и подавляющее большинство — нелегально, несмотря на то что в целом у них репутация честных и, что важно, недорогих работников. Происходит так не потому (во всяком случае не только потому), что польские работодатели хотят обмануть отечественные фискальные органы, но прежде всего потому, что иностранец может получить разрешение на работу только выдержав настоящее хождение по бюрократическим мукам. Нынешнее положение, крайне неудобное для украинцев, одновременно наносит реальный ущерб польскому бюджету. Самым простым и в то же время вполне возможным решением, несмотря на относительно высокий уровень безработицы в Польше, может стать введение контингентов для сезонных рабочих. Такое решение принято и успешно действует во многих европейских странах. Положительный эффект здесь очевиден, а негативных побочных последствий либо вовсе нет, либо они незначительны. Как представляется, эта простая истина постепенно доходит до чиновников польского ведомства труда, ибо, согласно сообщениям СМИ, переговоры по этому вопросу уже значительно продвинулись вперед.

Представленный выше перечень вопросов, которые требуют решения в сфере польско-украинских отношений, разумеется, неполон. Я старалась выделить те вопросы, которые особенно важны для наших стран и граждан. Полякам и украинцам придется справляться с серьезными вызовами. Я не настолько большой оптимист, чтобы считать, что мы справимся со всеми предстоящими трудностями, но со многими из них мы сможем справиться. С пользой для граждан наших стран и нашей части Европы.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- “Несколько десятков тысяч человек, в т.ч. зарубежные гости (в частности, председатель Европейской комиссии Жозе Мануэль Баррозо, президенты Германии, Украины и Венгрии, полтора десятка премьер-министров, а также Вацлав Гавел) приняли участие в праздновании 25 летия “Солидарности” в Гданьске. Торжественную литургию отслужил делегат Папы Бенедикта XVI архиепископ Станислав Дзивиш. Однако героем праздника был прежде всего Лех Валенса — только ему выпала честь произнести речь на специальном заседании Национального Собрания”. (“Тыгодник повшехный”, 11 сент.)
- “Польша и “Солидарность” стали источниками вдохновения для демократических перемен в Европе”, — повторяли в Гданьске президенты государств, освободившихся от тоталитаризма после 1989 года. Все выражали надежду на то, что свобода придет и туда, где до сих пор сохранилась диктатура. (“Жечпосполита”, 1 сент.)
- ““„Солидарность” преобразила Польшу и Европу. Но на этом мирная революция не может закончиться. Настал черед Белоруссии”, — говорили вчера в Гданьске политики со всей Европы (...) Такого стечения президентов и премьеров, как во время торжественной закладки Европейского центра солидарности, Гданьск еще не видел”. (“Газета wyborча”, 1 сент.)
- “Лех Валенса, слегка поседевший, более спокойный и сдержанный, (...) принимал заслуженные почести. Наравне с Виктором Ющенко и Вацлавом Гавелом он удостоился теплых слов и овации стоя”. (“Газета wyborча”, 2 сент.)
- Адам Михник: “В августе 80 го Польша глотнула свежего, чистого воздуха. Мощная волна забастовок охватила всю страну. Забастовка Гданьской судовой верфи (...) завершилась знаменитым Гданьским соглашением и созданием профсоюзов, не зависевших от коммунистической власти (...) Бескровный демонтаж коммунистической диктатуры, обретение независимости, установление парламентарной демократии и рыночной экономики, экономический рост, вступление в НАТО и Евросоюз, прочные границы, хорошие

отношения с соседями и национальными меньшинствами — это, пожалуй, не так уж мало”. (“Газета wyborча”, 27–28 авг.)

- Из проповеди архиепископа Станислава Дзивиша во время торжественной литургии в Гданьске: “Необходимо вернуть людям право на свободное воскресенье, пресечь частые нарушения права на восьмичасовой рабочий день, прекратить бесчеловечное обращение с трудящимися и радеть о достойном вознаграждении за труд”. (“Впрост”, 11 сент.)

- Из выступления Тимоти Гартона Эша на гданьской международной конференции “От „Солидарности” к свободе”: “Польская революция выработала новую модель, которая пришла на смену кровавой модели революции, знакомой нам уже несколько столетий — начиная с 1789 года (...) Традиционные революционеры — якобинцы, большевики, исламские фундаменталисты — чаще всего утверждали, что цель оправдывает средства. Революционеры „Солидарности”, подобно Вацлаву Гавелу и другим отважным и дальновидным лидерам центрально-европейского освободительного движения, поняли, что от применяемых нами методов зависит, к чему мы в конце концов придем”. (“Газета wyborча”, 1 сент.)

- “Порыв „Солидарности” следует расценивать в тех же категориях, что американскую и французскую революцию или мирное движение Ганди в Индии”, — сказал вчера в Варшаве Збигнев Бжезинский, который в 1980 г. был советником президента США Джимми Картера. Бжезинский выступал перед несколькими сотнями участников [первой части] конференции “От „Солидарности” к свободе”, среди которых было множество выдающихся политиков, мыслителей и священнослужителей со всего мира — в частности, бывший госсекретарь США Мадлен Олбрайт, российский правозащитник Сергей Ковалев, кардинал Жан-Мари Люстиже и лорд Дарендорф. (“Газета wyborча”, 30 авг.)

- Александр Халль: “„Солидарность” сыграла огромную историческую роль. Однако в свободной Польше она не могла сохраниться в виде многомиллионного движения (...) Я считаю, что было бы лучше, если бы осуществилась идея Леха Валенсы: после обретения независимости надо было с почетом опустить славное знамя „Солидарности” и не использовать его в спорах и конфликтах другой исторической эпохи. Я со всей отчетливостью вспомнил об этом, глядя на выходы шахтерских профсоюзников перед Сеймом и памятником Армии Крайовой в Варшаве. Что же сохранилось и что должно сохраниться? Несомненно, память о великом событии 25

летней давности, которое легло в основу нашей независимости; память о том, какими были люди в эти необыкновенные дни — серьезными, гордыми, преисполненными чувств человеческого достоинства и общности”. (“Жечпосполита”, 29 авг.)

• “ „Если я сумел помочь в чем-то хорошем, то я очень этому рад”, — скромно говорит седой пожилой мужчина. Это Винценты Дембицкий, в 80 е годы — майор разведки гданьской госбезопасности. Богдан Борусевич представил его вчера как второго после капитана Адама Ходыша сотрудника подпольной „Солидарности” (...) „Ходыш, Седлинский, Дембицкий. Кто еще из сотрудников ГБ был связан с “Солидарностью”?” — спрашиваем мы Богдана Борусевича. — „Был еще один человек. Не знаю, хотел бы он открыть свою фамилию, поэтому скажу только, что он действовал независимо, ничего не зная о Адаме и майоре Дембицком”, — отвечает Борусевич”. (Марек Вонс и Марек Стерлингов, “Газета выборча”, 8 сент.)

• Марек Эдельман: “В заключение прекрасного, оптимистического праздника „Солидарности” я хочу сказать, что самое главное — это жизнь. А когда есть жизнь, самое главное — свобода. А свободы не бывает без демократии (...) Но давайте не будем обольщаться! Человек — не ангел, а для мирной революции нужны две стороны. Я знаю, что прольется еще немало крови, прежде чем идеи солидарности и дружбы воцарятся во всем мире”. (“Газета выборча”, 2 сент.)

• “Из года в год все больше иностранцев ищет в Польше политического убежища. В 2002 г. о получении статуса беженца ходатайствовало около 5 тыс. человек, в 2003 — почти 7 тысяч, а в 2004 — уже больше восьми тысяч. В основном с просьбой предоставить им политическое убежище обращаются чеченцы”. (“Пшеглэнд православный”, август)

• Вальдемар Кучинский: “В период с 1989 по 2001 г. полезная площадь, приходящаяся на одного человека, увеличилась с 17 до 19 кв.м. (...) В 1989 г. уборными были оснащены 85% городских квартир и 48% сельских. В 2002 г. эти цифры составляли соответственно 95 и 75%. В тот же период оснащенность ванными возросла с 83 до 92% в городах и с 52 до 76% — в селах (...) В 1991 г. машину имели 38% семей служащих, 30 — рабочих, 41 — крестьян и 14 — пенсионеров. Спустя 11 лет машина была у 57% служащих, 49 — рабочих, 75 — крестьян и 30 — пенсионеров. В 1995 г. компьютер имели 12% семей служащих, 8 — рабочих и по 2% семей крестьян и пенсионеров. Спустя семь лет компьютерами были оснащены уже 36% домов служащих, 23 — рабочих, 5 — крестьян и 3 — пенсионеров (...) В

1990 г. младенческая смертность составляла (...) 19,3 промилле (...) а спустя 14 лет — 6,8. (...) У родившегося в 1989 г. мальчика впереди было 66,8 лет жизни, а у девочки — 75,5. Тринадцать лет преобразований прибавили обоим по 3,5 года (...) В 1992 г. (...) в 60% всех польских рек вода не соответствовала ни одной категории (...) в физико-химическом отношении, а в 88% — в бактериологическом. Спустя 10 лет эти показатели составляли соответственно 19 и 41%. В 1989 г. (...) предприятия выбрасывали в атмосферу 1,5 млн. тонн пыли и 5 млн. тонн газов. В 2002 г. предприятия, производящие в два раза больше (исходя из ВВП), выбрасывали 140 тыс. тонн пыли и 1,9 млн. тонн газов”. (“Тыгодник повшехный”, 11 сент.)

- Почти 1200 предпринимателей, политиков и ученых прибыли в четверг в Криницу на четырехдневный XV Экономический форум (...) “„Несмотря на кризис ценностей и медленный экономический рост, Европа продолжает оставаться крупнейшим экономическим регионом и самой значительной экспортной силой в мире”, — сказал участвовавший в работе форума премьер-министр Марек Белька, подчеркнув при этом, что наш континент все еще остается регионом благосостояния, стабильности, высочайших социальных стандартов и охраны окружающей среды”. (“Жечпосполита”, 8 сент.)

- Бывший президент Польского национального банка (ПНБ) Ханна Гронкевич-Вальц на форуме в Кринице: “Европа не верит в демократию. Если бы она верила, она не смирилась бы с тем, что произошло с ЮКОСом, или с тем, что творится в Белоруссии. Европа изменяет своим корням, она полна лицемерия”. (“Жечпосполита”, 10–11 сент.)

- Из подготовленного шведским Агентством оборонных исследований и представленного на Экономическом форуме в Кринице отчета “Российский военный потенциал в перспективе 10 лет. Проблемы и тенденции 2005 года”: “Риск российского энергетического шантажа в отношении Запада высок, но в случае стран Прибалтики и СНГ такой шантаж неизбежен”. (“Жечпосполита”, 8 сент.)

- “В присутствии президента Путина и канцлера Шредера Россия и Германия подписали вчера соглашение о строительстве газопровода по дну Балтийского моря. Это политическое, враждебное нам решение. С экономической точки зрения строительство газопровода по дну моря — предприятие гораздо более дорогостоящее, чем его прокладка по суше, например, в виде второй нитки Ямальского газопровода. Пока что строительство приостановлено”. (Кшиштоф Бень, “Жечпосполита”, 9 сент.)

• “Это новое Рапалло (...) Планируемый газопровод должен идти по дну Балтийского моря из России в немецкий порт Грейфсвальд в обход прибалтийских государств, а также Польши и Украины, т.е. тех транзитных стран, через чьи территории проходят в настоящее время нефте- и газопроводы, поставляющие сырье из России на Запад (...) Сказать, что планируемый газопровод противоречит интересам Польши, а также Прибалтики и Украины, — это слишком мало. По сути дела немецко-российская „труба” практически полностью отрежет все эти государства от транзита газа между востоком и западом Европы”. (Иоахим Тренкнер, “Тыгодник повшехный”, 11 сент.)

• “В прошлом у России были проблемы с транспортировкой газа как через Украину, так и через внешне послушную ей лукашенковскую Белоруссию. По мере возможности она ослабляет позицию и репутацию своих бывших прибалтийских республик, что делает невозможным осуществление проекта „Амбер” — газопровода, который должен был пройти через Литву, Латвию и Эстонию, тем самым повышая их значение. Кроме того, Россия хочет продемонстрировать свою силу Польше (хотя и довольно дорогостоящим способом) или, точнее, показать нам наше бессилие перед лицом российского влияния в Германии. Это ее право и ее дело”. (Адам Подольский, “Газета wyborча”, 9 сент.)

• “В этом году объем польского экспорта превысил 33,5 млрд. евро (...) Быстрее всего растет экспорт продуктов питания, химикатов и автомобилей (...) При этом особенно заметен рост экспорта в Россию — в первом полугодии он увеличился на 62% (в пересчете на евро). По сравнению с первыми шестью месяцами прошлого года значительно увеличился польский экспорт в Чехию, Великобританию и Италию. Нашим главным рынком сбыта продолжает оставаться Германия, но ее доля уменьшается — с 31,3% в первом полугодии 2004 г. до 28,6% в настоящее время”. (Халина Бинчак, “Жечпосполита”, 13-15 сент.)

• “По данным Польского национального банка, за последние 12 месяцев (с июля 2004 по июнь 2005 г.) польские нетто-инвестиции в иностранные ценные бумаги составили 1,8 млрд. евро, т.е. на 300 млн. больше, чем в предыдущие 12 месяцев (...) Иностранные инвесторы продолжают делать у нас значительно более крупные капиталовложения, чем на других рынках, однако отток капитала из Польши все увеличивается”. (Шимон Карпинский, “Жечпосполита”, 25 авг.)

- Проф. Станислава Галиновская: “Согласно отчету ООН, рост предпринимчивости польских женщин — самый быстрый в Европе. Кроме того, в Польше женщины чаще, чем мужчины, имеют среднее и высшее образование. Однако они все еще намного реже, чем в странах „старой Европы”, занимают руководящие должности”. (“Жечпосполита”, 7 сент.)
- “В Польше наблюдается заметное уменьшение концентрации двуокси азота. В 2001 г. она была почти в два раза меньше, чем в 1996-м. Это говорит о том, что экономическое развитие не обязательно должно сопровождаться загрязнением воздуха”. (Лукаш Каневский, “Жечпосполита”, 7 сент.)
- “Больше десяти тысяч банок и свыше 5 тонн сухого корма намеревается приобрести Центральный район [Варшавы]. Сегодня истекает срок подачи конкурсных заявок. Закупленный корм будет передан опекунам [бездомных] кошек. Заказ детально специфицирован. Чиновники точно определили, сколько должно быть банок с рыбой, кроликом, говядиной и курой”. (“Жечпосполита”, 29 авг.)
- “Приюты лихорадочно ищут новые дома для брошенных в каникулы животных. Чаще всего они мешали своим хозяевам свободно проводить отпуск и в результате оказались на улице. Их привязывали к деревьям или на полном ходу выбрасывали из машин (...) Каникулы кончились, но приюты готовятся принять очередную, осеннюю волну животных. Это бесхозные обитатели садовых участков и сторожевые собаки со строек, за которыми зимой некому присматривать”. (“Газета выборча”, 30 авг.)
- Председатель Конституционного суда проф. Марек Сафьян: “В 2004 г. принятые Сеймом правовые акты заняли 21 тыс. страниц „Законодательного вестника”. Законодательство становится еще более туманным из-за растущего из года в год числа дополнений к законам, которые составляют 60% принимаемых документов. О состоянии законодательства свидетельствует и то, что в 2004 г. в 44 из 79 постановлений Конституционного суда фиксируется несоответствие принятых законов конституции”. (“Жечпосполита”, 8 авг.)
- “К году и трем месяцам условно с пятилетним испытательным сроком, а также к штрафу в размере 20 тыс. злотых приговорен Анджей Леппер за инсинуации в адрес политиков с трибуны Сейма”. (“Газета выборча”, 10 авг.)
- Адам Михник: “Ежедневно мы слышим площадную брань — в газетах, телевизионных программах, на партийных собраниях,

с трибуны Сейма, а иногда и с церковных амвонов (...) Я слышу эти настойчивые призывы к выслеживанию предателей и агентов, к люстрации, декоммунизации, дискриминации. Я вижу и слышу, как унижают людей всё новые следственные комиссии, а журналисты, ведомые стадным чувством, стремятся укунить первыми. Несчастные гонимые псы бесчестных охотников! И только изредка слышится чистый голос гуманиста, предостерегающий от вспышки ненависти или от цивилизации подлости”. (“Газета wyborcza”, 10–11 сент.)

- “В монастыре паулинов на Ясной Горе [в Ченстохове] прошла встреча экзорцистов со всей Европы. В Польше служат 55 экзорцистов. В каждой римско-католической епархии есть один или два священника, которые занимаются освобождением одержимых людей от злых духов”. (“Пшеглэнд православный”, август)

- “[Кардиохирург] Збигнев Релига отказался от участия в президентских выборах и попросил своих избирателей голосовать за Дональда Туска (...) Лидера „Гражданской платформы” поддержал также Лех Валенса”. (“Тыгодник повшехный”, 11 сент.)

- Влодзимеж Цимошевич: “Я отказываюсь от участия в президентских выборах в знак протеста против падения политических нравов. В нынешней кампании в невиданных прежде масштабах использовались ложь и клевета. В ход были пущены лжесвидетели и фальшивые документы. Направленная против меня массированная атака черного пиара принесла ожидаемый результат. Исключительно подлым нападкам подверглась моя семья, мои дети (...) Среди кандидатов я не вижу человека, достойного этого поста”. (“Газета wyborcza”, 15 сент.)

- Согласно опросу Лаборатории социальных исследований, на президентских выборах за Дональда Туска готовы проголосовать 49% поляков, за Леха Качинского — 22, за Анджея Леппера — 9, за Марека Боровского — 8%. (“Газета wyborcza”, 15 сент.)

- Согласно опросу ГфК “Полония”, в преддверии парламентских выборов “Гражданскую платформу” поддерживают 35% поляков, “Право и справедливость” — 26, “Самооборону” — 11, “Союз демократических левых сил” (СДЛС) — 8, “Лигу польских семей” — 7, аграрную партию ПСЛ — 5%. (“Жечпосполита”, 7 сент.)

- “„Я придерживаюсь умеренных взглядов; ну, то есть, мне трудно их определить”, — говорит Марта Куляй, 19-летняя студентка, которая будет голосовать впервые в жизни. На польской политической сцене она хотела бы видеть новую партию, которая в первую очередь займется ремонтом дорог”. (“Политика”, 20 авг.)
- “„КГБ грозило убить моего ребенка!” — говорит белорусская оппозиционная журналистка Ольга Класковская, бежавшая из Белоруссии в Варшаву вместе со своей четырехлетней дочерью Мирославой (...) Ольге 23 года, последние шесть лет она проработала в независимой газете „Народна воля””. (“Газета wyborcza”, 9 авг.)
- “В минском аэропорту белорусские таможенные службы конфисковали у Анатолия Лебедько материалы конференции, посвященной 25 летию „Солидарности”. Таможенный досмотр продолжался 2,5 часа (...) „Мне сказали, что эти материалы угрожают политической и экономической безопасности Белоруссии”, — сообщил Лебедько”. (“Жечпосполита”, 3-4 сент.)
- “На протяжении недели 14 активистов белорусских неправительственных организаций перенимали у своих украинских коллег опыт „оранжевой революции”, а у поляков — опыт местного самоуправления и гражданского общества (...) Белорусы призывают польские органы местного самоуправления не прерывать контактов с белорусскими городами: „Поддержите белорусские неправительственные организации, стремящиеся к демократизации общественной жизни и пропагандирующие идею гражданского общества, организовав обмен молодежью, который поможет формировать будущую интеллектуальную элиту””. (Александра Кшижаняк-Гумовская, “Газета wyborcza”, 27-28 авг.)
- “Премьер-министр Марек Белька выделил из бюджетного резерва почти миллион злотых на создание независимого радио, вещающего на Белоруссию”. (“Тыгодник повсехный”, 21 авг.)
- “„Польша хочет, чтобы ее партнеры по региону включились в диалог с Белоруссией”, — заявил президент Александр Квасневский после неофициальной встречи в Крыму с президентом Украины Виктором Ющенко (...) О Белоруссии Квасневский говорил также с пребывающими в Крыму президентами Литвы и Грузии Валдасом Адамкусом и Михаилом Саакашвили. Как подчеркнул польский президент,

позиции Польши, Украины, Литвы и Грузии по этому вопросу идентичны”. (“Жечпосполита”, 19 авг.)

- “В Лиде сидит главный редактор „Глоса знад Немна” (органа Союза поляков Белоруссии) Анджей Писальник и журналист польского происхождения Анджей Почобут. До недавнего времени там сидели заместитель председателя СПБ Юзеф Пожецкий и профсоюзный активист Мечислав Яськевич. В Гродно под стражей находится основатель и первый председатель СПБ Тадеуш Гавин; вместе с ним сидит заместитель [нынешнего законного председателя] Анжелики [Борис] Веслав Кевляк. Кто знает, не вздохнет ли Анжелика с облегчением, когда ее наконец тоже — в чем никто не сомневается — посадят в тюрьму (...) Начиная с марта, когда Анжелику неожиданно избрали председателем Союза, весь государственный аппарат оказывает психическое давление на эту простую 31 летнюю женщину”. (Вацлав Радзивинович, “Газета wyborча”, 20 авг.)

- “В пятницу на проходящий в Волковыске съезд Союза поляков прибыли только делегаты, назначенные [белорусскими] властями. Справедливо подозревая, что деятели Полонии захотят поехать в Волковыск, власти решили помешать им в этом. Метод был избран простейший: пятницу активисты СПБ провели в милицеских участках (...) В Гродно был избит представитель созданного „Правом и справедливостью” Комитета солидарности с Белоруссией Михал Дворчик. К нему подошли двое мужчин и спросили, не найдется ли закурить. Когда он ответил, что не курит, его начали бить (...) Точно таким же образом поступали в Москве с польскими дипломатами”. (Петр Костинский, “Жечпосполита”, 27–28 авг.)

- “В Волковыске на субботнем съезде Союза поляков Белоруссии не было независимых наблюдателей. В самом начале заседания зал попросили покинуть также польских и белорусских журналистов. Зато много было агентов КГБ и чиновников идеологического отдела государственной администрации”. (Вацлав Радзивинович, “Газета wyborча”, 29 авг.)

- “Белорусские власти вновь контролируют Союз поляков Белоруссии. Организованный ими съезд избрал председателем Юзефа Лучника. Польский МИД заявил, что считает это избрание недействительным, так как съезд прошел „с нарушением правил демократии”. Прежнего председателя СПБ на протяжении пяти месяцев милиция допрашивала 45 раз”. (“Тыгодник повсехный”, 4 сент.)

- “Председатель Союза поляков Белоруссии Анжелика Борис прибыла в Страсбург. „К счастью, у нас, [белорусских] поляков, есть наша вторая родина — Польша, которая заботится о нас и представляет наши проблемы на международном форуме. У белорусов нет и этого”, — говорила Анжелика Борис на встрече с евродепутатами”. (“Жечпосполита”, 9 сент.)
- “Власти России принесли официальные извинения в связи с избиением польского дипломата и усилили охрану польского посольства”. (“Газета выборча”, 12 авг.)
- “Неизвестные и до сих пор безнаказанные лица напали вчера в Москве на корреспондента газеты „Жечпосполита” Павла Решку. „В городе продолжается охота на поляков, — говорит посол Польши в России Стефан Меллер. — Нападение было похоже на предыдущие: в субботу — на русского сотрудника нашего посольства, в воскресенье — на технического работника и в среду — на Марека Решуту, второго секретаря посольства””. (“Газета выборча”, 12 авг.)
- Стефан Меллер: “Я не вижу в этом никакой случайности. Преступники располагают полной информацией о сотрудниках польского посольства. Они явно принадлежат к прекрасно организованным структурам”. (“Жечпосполита”, 13-15 авг.)
- Президент Александр Квасневский: “Я глубоко обеспокоен очередными актами насилия против польских граждан в Москве (...) Надеюсь, что подавляющее большинство российского общества считает происходящее достойным осуждения”. (“Газета выборча”, 12 авг.)
- Григорий Явлинский: “Эти инциденты подтверждают горькую правду о том, что российская политика вновь опирается на большевистские принципы (...) Я хотел бы обратиться к польскому обществу с просьбой о понимании того, что гнусные происшествя на улицах Москвы не имеют ничего общего с российским народом”. (“Газета выборча”, 19 авг.)
- Из коммюнике канцелярии президента Польши: “12 августа 2005 г. состоялся телефонный разговор президента Республики Польша Александра Квасневского с президентом Владимиром Путиным (...) Президент В.Путин разделил озабоченность президента А.Квасневского безопасностью польских граждан (...) [Президент Путин] заверил, что российская сторона предпримет все необходимые меры, чтобы разыскать и покарать лиц, совершивших нападение на польских граждан, и выразил сожаление в связи с этими инцидентами”. (“Газета выборча”, 13-15 авг.)

• Проф. Ежи Помяновский: “Кризис в польско-российских отношениях — явление не новое. Он может продолжаться до тех пор, пока Россия не предложит нам иной выбор, нежели альтернатива между угрозой бойкота и покорностью. Сейчас этот кризис обрисовался с такой отчетливостью по двум причинам (...) Во-первых, потерпели крах планы того российского лагеря, который можно назвать неоимперским. Польскую топливную экономику не удалось сделать зависимой до такой степени, чтобы иметь решающее влияние на направление нашей политики (...) Во-вторых, по соседству с нами появился новый, самостоятельный политический субъект — Украина. Польша воспользовалась случаем, чтобы оказать Украине бескорыстную помощь и наконец засыпать разделявшую два народа пропасть, в которую утекло столько крови”. (“Жечпосполита”, 13-15 авг.)

• “Польша не впервые стала „суррогатным врагом”. Слабая Россия не может бросить перчатку американцам, но проамериканской Польше — вполне. Подобным образом обстоит дело и с Евросоюзом, который, по мнению Москвы, совершил ошибку, принимая в свой состав государства, некогда находившиеся в сфере ее влияния (...) Наконец, следует помнить о личной неприязни Путина к Польше и Квасневскому. Ведь никто не оскорбил его больше, чем „коммунист” Квасневский, успешно реализовавший в Киеве программу „белого” маршала Пилсудского”. (Мацей Лентовский, “Жечпосполита”, 25 авг.)

• “„Мы хотим дружеских, добрососедских, взаимовыгодных отношений с Польшей”, — сказал в интервью „Московским новостям” министр Сергей Лавров (...) В пятницу перед польским консульством в Петербурге демонстрировало несколько десятков молодых людей (в частности, из демократических партий „Яблоко” и СПС), которые развернули огромный транспарант: „Россия + Польша = дружба навек”. На транспаранте было также написано (...) „Лех Валенса” и „Солидарность”. „Мы пришли сюда, чтобы показать, что в России есть не только люди, которые бьют поляков”, — говорили демонстранты”. (“Жечпосполита”, 27-28 авг.)

• “Рязанский горсовет (...) решил изменить название площади Тадеуша Костюшко на площадь Василия Маргелова (...) Авторы этой идеи напомнили, что Костюшко поднял восстание против царя”. (“Жечпосполита”, 6 сент.)

• “Верховный суд окончательно утвердил приговор к трем годам лишения свободы, вынесенный подполковнику Збигневу

Х. за шпионаж в пользу СССР и России”. (“Жечпосполита”, 7 сент.)

- “„Серый” 60 лет спустя. В ночь с 4 на 5 августа отряд под командованием капитана Антония Хеды „Серого” захватил тюрьму в Кельце (...) Разгром келецкой тюрьмы был первой такого рода операцией после занятия Польши Красной Армией. Было освобождено свыше 600 человек — в большинстве узников польской госбезопасности и НКВД”. (“Газета wyborча”, 8 авг.)

- “Прошло пять лет со дня открытия польского воинского кладбища в Медном (...) Кладбище в Медном расположено в 30 км от Твери, недалеко от шоссе, ведущего в Петербург. Именно там в 1991 г. были обнаружены массовые захоронения поляков, убитых в Калининне весной 1940 года. На территории площадью 1,7 га было открыто 25 массовых захоронений, в которых покоятся останки более чем 6300 узников особого лагеря НКВД в Осташкове — главным образом работников государственной полиции, которые попали в советский плен после 17 сентября 1939 года”. (“Жечпосполита”, 3-4 сент.)

- Станислав Лем: “К сожалению, Иосиф Бродский был прав, говоря, что любовь к преступлениям и массовым убийствам — неотъемлемая черта человеческой природы, хотя, разумеется, она не проявляется повсеместно (...) Массовое уничтожение армян и евреев каким-то образом укладывается в широко понимаемое направление современной цивилизации. Используя соответствующую организацию общества, необыкновенно легко склонить людей к тому, чтобы истязать и отправлять в печи себе подобных (...) В свое время мне не слишком хотелось верить в истинность слов Бродского о том, что для людей смысл убийства заключается в нем самом, а все обоснования — лишь фиговый листик”. (“Тыгодник повшехный”, 31 июля)

- “Анкетеры российского правительственного ЦИОМа провели опрос, касающийся Польши (...) Широкие круги российских граждан вовсе не думают о нас плохо. 43% опрошенных сказали, что Польша для них — „нормальная европейская страна”. Еще для 13% это „уютное, красивое место, которое хотелось бы посетить”. Целых 30% опрошенных упомянули Польшу как союзника во II Мировой войне. Еще больше (43%) назвали совместное участие во II Мировой войне важным событием в истории обоих народов (...) 49% опрошенных считают, что нас больше объединяет, а 32% — что разделяет”. (“Газета wyborча”, 18 авг.)

- Согласно опросу Лаборатории социальных исследований, поляки считают польско-российские отношения “прохладными” (43,9%) или “напряженными” (39,7%). В польской анкете Россия ассоциируется главным образом с Катынью (28%), пактом Риббентропа—Молотова (24%), войной 1920 г. и разделами (по 18%). Большинство поляков (67,1%) считает, что у России и Польши больше того, что их разделяет, чем объединяет. Для поляка Россия — это лишь Путин (67,9%), Сталин (44%) и Ленин (23%). Опрашиваемые могли дать несколько ответов. (“Газета wyborcza”, 29 авг.)

- “В субботу, в 37-ю годовщину вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию и подавления Пражской весны, генерал Войцех Ярузельский извинился за участие в интервенции польских солдат. „Это огорчает меня и причиняет мне боль. Я смотрю на это с огромным сожалением, но тогда я не мог поступить иначе. С политической точки зрения это были глупые решения. Однако, поскольку я принимал участие в их принятии, я приношу извинения. Хочу повторить это еще раз, особо отметить и подчеркнуть”, — сказал Ярузельский в интервью чешскому телевидению ЧТВ”. (“Жечпосполита”, 22 авг.)

- “Ярузельский не впервые извинялся перед чехами. В начале 90 х, еще будучи президентом Польши, он принес в польском Сейме извинения тогдашнему президенту Чехословакии Вацлаву Гавелу. Тогда он подчеркнул, что вторжение было „серьезной политической и моральной ошибкой””. (“Газета wyborcza”, 22 авг.)

- Гмину Пинск (Подлясское воеводство) будут охранять совместные польско-литовские полицейские патрули. Большинство жителей гмины — литовцы. Полицейские из Польши и Литвы будут вместе следить за порядком на проходящем в Ошкинях Литовском фестивале. (“Жечпосполита”, 20-21 авг.)

- Министр иностранных дел Польши Адам Даниэль Ротфельд посетил греко-католический монастырь студитов в Уневе на Украине, где он, будучи ребенком, пережил Катастрофу и II Мировую войну. Там он “почтил память иерархов униатской Церкви тех времен — братьев Шептицких. Именно митрополит львовский Андрей Шептицкий поручил греко-католическому духовенству спасать евреев (...) Климентий Шептицкий был игуменом монастыря в Уневе и архимандритом ордена студитов”. (“Жечпосполита”, 20-21 авг.)

- “61-я годовщина ликвидации лодзинского гетто. Вчера в лодзинском Парке спасенных встретились люди с разных концов света, чтобы отметить годовщину ликвидации гетто. В парке растет почти 400 деревьев, которые символизируют людей, выживших в гетто. Вчера были посажены новые деревья (...) 29 августа 1944 г. немцы отправили из лодзинского гетто в Аушвиц-Биркенау последний эшелон евреев. В марше памяти, прошедшем с еврейского кладбища на железнодорожную станцию Радегаст, откуда отправлялись эшелоны, приняли участие несколько сот жителей Лодзи”. (“Газета выборча”, 30 авг.)

- Барбара Энгелькинг из Центра исследований Катастрофы еврейского народа при Институте философии и социологии ПАН: “Нельзя „понять” Холокост (...) Ведь Катастрофа (...) не имела никакого „смысла”. Единственное, что можно „открыть” — это индивидуальный смысл, который конкретные люди придавали своему опыту. Вот сущность Катастрофы: ответ человека на постигшее его зло (...) Когда-то в нашем Центре мы раздумывали, можно ли перестать заниматься Холокостом. Пожалуй, нельзя. Никакие другие темы уже не кажутся существенными и глубокими (...) Это не та тема, о которой человек забывает, придя домой (...) Это откладывается в организме — попросту физиологически. Но это откладывается и в душе в виде очередного пласта печали (...) Моя сопротивляемость существующему в мире злу уменьшается. У меня нет сил выдерживать низость, подлость и бесчестность”. (“Тыгодник повшехный”, 28 авг.)

НАЦИЗМ И КОММУНИЗМ: ВМЕСТЕ В ОДНОЙ ЕВРОПЕ

Эту выставку, подготовленную по-современному и с глубоким знанием истории, уже по первым отзывам можно считать уникальной. Хотя бы потому, что ее содержание в той или иной степени может коснуться каждого: слишком велик груз ушедшего столетия, которое подвергло человека испытаниям на физическую и моральную прочность.

Мультимедийная экспозиция под названием “Европа XX века: обличья тоталитаризма” призвана представить генезис и последствия двух систем — нацизма и коммунизма. Она представляет своего рода лабиринт, продвигаясь по которому посетитель проходит через очередные залы, словно проходя этапы тоталитарного испытания — начиная с результатов первой мировой войны, через трагические события середины прошлого века и заканчивая разделами “Катастрофа нацизма — торжество коммунизма” и “Борьба с коммунизмом”.

Отдельными блоками рассказывается об экспансии большевистской революции, в том числе — о войне 1920 года, развитии гитлеровского фашизма, сближении двух идеологических империй в канун II Мировой войны, военном противостоянии двух видов тоталитаризма и послевоенном положении, возникшем в результате победного марша Советской Армии и последовавшего за ним установления коммунистической системы в странах Восточной Европы. И все это на фоне репрессий и подавления личности как при нацизме, так и при коммунизме.

Рассказ о событиях прошлого ведется не на языке современных комментаторов, а с позиции их участников и тогдашнего знания и понимания истории. Свидетели и свидетельства ведут к одному: что сделал с человеком тоталитаризм в Европе XX века. Поэтому героями повествования оказываются совершенно разные люди: теоретики и функционеры, оппортунисты и бунтовщики, подпольщики и доносчики, палачи и жертвы... Их воспоминания представлены в текстовых материалах, звукозаписи и киноинтервью.

Инициатор выставки — центр “Карта”, занимающийся документированием и популяризацией истории современной Польши и Восточной Европы. Его руководитель Збигнев Глюза

говорит, что хотя экспозиция в основном касается событий, происходивших на территории Польши, в ней выражена не только польская точка зрения. Это плод многонациональной совместной работы с участием партнеров из Германии, Австрии, Украины и России. “Особенно мне хочется отметить участие в создании выставки нашего многолетнего партнера и близнеца, российского общества “Мемориал”, который докопался до таких источников, о которых мы и не знали”, — подчеркивает Глюза. И напоминает о ставшем визитной карточкой выставки документальном снимке 1937 г. с противогазовых учений в Советском Союзе, который поначалу произвел впечатление фотомонтажа или кадра из киноинсценировки.

“Мемориал” к этой выставке подготовил целиком два раздела: вокруг революции и террора 30 х годов — и дал материалы в другие разделы. Говорит председатель правления этой независимой российской организации Арсений Рогинский:

— Не хотел бы преувеличивать нашей роли, потому что главный автор выставки — “Карта”, сотрудничество с которой по восстановлению исторической памяти мы высоко ценим. Мы не можем воскресить репрессированных, но должны назвать имена всех жертв. Наша выставка — это и наша историческая ответственность. Экспозиция будет требовать модернизации по мере обнаружения новых материалов и пополнения знаний. Сегодняшний взгляд из XXI века требует новых нюансов в подходе к историческим фактам. Тоталитаризм — это не только террор, не только репрессии. Тоталитаризм — это набор идеологем, это совсем другая система ценностей, когда, например, коллективизм противопоставлялся индивидуализму и провозглашался отказ от сложившегося быта. Не все было так прямолинейно, как можно иногда воспринять из экспозиции. Террор — это только одно из обличей тоталитаризма.

Открытие выставки стало одновременно торжественным открытием Дома встреч с историей, который организован центром “Карта”, а со следующего года станет варшавским культурным учреждением, финансирующимся из городского бюджета. Уже решено, что выставка “Обличья тоталитаризма” станет постоянно действующей экспозицией, которая будет доступна и в “компьютерном варианте”. А это значит, что с ней смогут познакомиться и многочисленные пользователи компьютеров.

Предполагается, что передвижная версия выставки, которая, кстати, осуществлена на четырех языках: польском,

английском, немецком и русском, — сможет экспонироваться в других странах. Первое ее путешествие запланировано в Германию. Организаторы пока не хотят везти ее в Россию, опасаясь, что в довольно напряженный момент польско-российских отношений некоторые официальные лица могут объявить ее политической провокацией. Такие разделы, как “Союз тоталитаризмов” и “Советская оккупация”, у кое-кого в Москве наверняка вызовут раздражение. Что ж, такие опасения и суждения говорят только об одном: нам вместе еще долго предстоит повышать уровень исторического сознания.

Анджей Пшевозник, секретарь Совета охраны памяти борьбы и мученичества:

Это очень нужная выставка, обращающая внимание на два важных явления. Европа XX века жила под знаком двух тоталитаризмов — национал-социалистического и коммунистического. Они были похожи друг на друга, но по-своему и отличались: нацизм был направлен как бы наружу, на граждан других стран, а коммунизм — прежде всего на своих соотечественников. Последствия “деятельности” этих тоталитаризмов для людей велики. Выставка ясным и доступным образом демонстрирует весь ужас двух нечеловеческих систем, что необыкновенно важно для молодежи как в Польше, так и в России. Нам всем нужен объективный взгляд на историю. Выставка “Обличья тоталитаризма” — большой шаг к взаимопониманию, и, во всяком случае, она побуждает к дискуссии.

ПЛЕННЫЕ КРАСНОАРМЕЙЦЫ В ПОЛЬСКИХ ЛАГЕРЯХ

Объемистый том “Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг.” подготовлен Федеральным архивным агентством России, Российским государственным военным архивом, Государственным архивом Российской Федерации, Российским государственным архивом социально-экономической истории и польской Генеральной дирекцией государственных архивов на основе двустороннего соглашения от 4 декабря 2000 года. Это первый *совместный* труд российских и польских историков и архивистов о судьбе красноармейцев, попавших в польский плен во время войны 1919–1920 гг. — 85 лет назад.

Общественный интерес к столь давней проблеме, возродившийся лет 15 назад, неразрывно связан с проблемой Катыни — настолько, что вопрос о красноармейцах, погибших или умерших в польском плену, нередко называют “Анти-Катынью” или “Контр-Катынью”. Вероятно, многим трудно смириться с признанием ответственности СССР за Катынь, а потому хочется найти какие-то контрпримеры. Без натяжки можно сказать, что возрождение интереса было поддержано или даже инициировано еще руководством СССР. Следственная группа Главной военной прокуратуры СССР в своей работе по Катыни опиралась на распоряжение президента СССР М.С.Горбачева от 3 ноября 1990 г. по итогам визита в Советский Союз министра иностранных дел Польши — в этом распоряжении давалось указание Прокуратуре СССР *“ускорить следствие по делу о судьбе польских офицеров, содержащихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях”*. Но последний пункт распоряжения звучал следующим образом: *“Академии наук СССР, Прокуратуре СССР, Министерству обороны СССР, Комитету государственной безопасности СССР совместно с другими ведомствами и организациями провести до 1 апреля 1991 г. исследовательскую работу по выявлению архивных материалов, касающихся событий и фактов из истории советско-польских двусторонних отношений, в результате которых был причинен ущерб Советской Стороне. Полученные данные использовать в необходимых случаях в переговорах с Польской Стороной по проблематике „белых пятен””* (выделено мной. — А.П.).

Едва ли не единственное такое событие — 20 месячная советско-польская война 1919–1920 гг., пленные

красноармейцы в польских лагерях и их дальнейшая судьба. Из-за отсутствия исчерпывающих данных в советских архивах российские историки, публицисты и политики приводят самые разные сведения о количестве красноармейцев, погибших в польском плену: цифры, публикуемые с начала 1990-х в массовых изданиях, колеблются от 40 до 80 тысяч человек. Например, в газете “Известия” (2004, 10 и 22 дек.) председатель комитета по международным делам Совета Федерации Михаил Маргелов, а вслед за ним губернатор Кемеровской области Аман Тулеев говорят о 80 тысячах погибших в польских лагерях красноармейцев, ссылаясь на данные российских историков. С другой стороны, в наиболее известном польском исследовании проблемы^[1] говорится о 16–18 тысячах умерших (погибших) в лагерях.

Тем важнее представляется первая совместная попытка историков двух стран найти истину на основе детального изучения архивов — прежде всего польских, так как события происходили преимущественно на польской территории. Совместная разработка темы только начинается, разногласий в анализе документов еще достаточно, об этом свидетельствует и наличие в сборнике двух отдельных предисловий — российского и польского. Однако сразу хотелось бы отметить впервые достигнутое согласие исследователей в отношении **количества умерших в польских лагерях красноармейцев** — умерших от эпидемий, голода и тяжелых условий содержания. Проф. В.Г.Матвеев, автор предисловия российской стороны, отмечает: “Если исходить из среднестатистического, „обычного” уровня смертности военнопленных, который санитарной службой Министерства военных дел Польши в феврале 1920 г. был определен в 7%, то численность умерших в польском плену красноармейцев составила бы порядка 11 тыс. При эпидемиях смертность возрастала до 30%, в некоторых случаях — до 60%. Но эпидемии длились ограниченное время, с ними активно боролись, опасаясь выхода заразных болезней за пределы лагерей и рабочих команд. Скорее всего, в плену умерло **18–20 тыс. красноармейцев** (12–15% от общей численности попавших в плен)”. Проф. З.Карпус и проф. В.Резмер в предисловии польской стороны пишут: “Исходя из приведенных документальных данных, можно утверждать, что за весь трехлетний период пребывания в Польше (февраль 1919 — октябрь 1921) в польском плену умерло не более **16–17 тыс. российских военнопленных**, в том числе около 8 тыс. в лагере Стшалкове, до 2 тыс. в Тухоли и около 6–8 тыс. в других лагерях. Утверждение, что их умерло больше — 60, 80 или 100 тыс., не находит подтверждения в документации, хранящейся в польских и российских гражданских и военных архивах”.

Эти согласующиеся между собой документальные оценки вместе с другими представленными в сборнике материалами, по-моему, **закрывают возможность политических спекуляций на теме**, проблема переходит в разряд чисто исторических — как, наверное, и должно быть для событий 85 летней давности.

Из 338 документов сборника 187 извлечены из польских архивов, 129 — из российских, и еще 22 документа взяты из ранее опубликованных изданий. А всего польскими и российскими исследователями было подробно изучено свыше двух тысяч документов, в подавляющем большинстве никогда не публиковавшихся. Некоторые материалы из российских архивов были специально для данного издания рассекречены — например, документы НКВД и НКГБ СССР о состоянии воинских захоронений на территории Польши в 1936–1938 гг.

Представленные в сборнике документы можно условно классифицировать следующим образом:

- различные инструкции, регламентирующие порядок функционирования лагерей, военные приказы и директивы, правительственные ноты, санитарные правила для лагерей и т.д.;
- оперативные сводки частей Красной Армии о потерях (пленные часто попадали в категорию пропавших без вести) и польские оперативные сводки о военнопленных;
- отчеты и письма о состоянии и проверке лагерей, в том числе иностранными комиссиями;
- материалы о помощи военнопленным по линии Красного Креста и др.;
- разного рода информация о русских антибольшевистских формированиях, активно привлекавших в свои ряды пленных красноармейцев;
- документы об обмене пленными;
- материалы — включая современные фотографии — о захоронениях пленных красноармейцев на территории Польши.

Документы расположены в хронологическом порядке, поэтому легко проследить эволюцию состояния лагерей и вообще отношения военных и государственных властей к проблемам военнопленных. Кроме того, сборник снабжен обширным (125

страниц) научно-справочным аппаратом, касающимся упоминаемых в сборнике организаций и воинских частей, а также учреждений и заведений для военнопленных. Имеется именной указатель и список публикаций польских и российских авторов о красноармейцах в польском плену (87 позиций).

Первое боевое столкновение частей Войска Польского и Красной Армии произошло в феврале 1919 г. на литовско-белорусской территории, и в эти же дни появились первые пленные красноармейцы. В середине мая 1919 г. министерство военных дел Польши распространило подробную **инструкцию для лагерей военнопленных**, которая впоследствии несколько раз уточнялась и дорабатывалась. В качестве стационарных лагерей предполагалось использовать лагеря, построенные немцами и австрийцами в период I Мировой войны. В частности, самый большой лагерь в Стшалкове был рассчитан на 25 тыс. человек. У всех пленных полагалось отбирать оружие, инструменты (которые могли быть использованы при побеге), планы и карты, компасы, газеты и книги *“подозрительного политического содержания”*, деньги сверх ста марок (ста рублей, двухсот крон). Отобранные деньги депонировались в кассе лагеря, их можно было постепенно использовать для покупок в лагерьном буфете. Рядовым пленным полагалось небольшое денежное содержание, а офицерам — в пять-шесть раз более высокое месячное жалование (50 марок), эти деньги пленные могли использовать по собственному усмотрению. В лагерях устраивались ремесленные мастерские для ремонта одежды и обуви, начальник лагеря мог разрешить организовать читальню для пленных, любительский театр и хор. Запрещались любые азартные игры (карты, домино и т.д.), подлежали *“строгому наказанию все попытки контрабанды алкоголя в лагерь”*. Каждый пленный мог раз в неделю отправить (бесплатно) одно письмо и одну почтовую карточку — по-польски, по-русски или по-украински. На основании *“мотивированной просьбы”* начальник лагеря мог разрешать гражданским лицам свидание с военнопленными. Пленных по возможности следовало *“группировать в роты согласно национальности”*, избегая *“перемешивания пленных из разных армий (например, большевиков с украинцами)”*. Начальник лагеря был обязан *“стараться, чтобы были удовлетворены религиозные потребности пленных”*.

Ежедневный продовольственный паек пленных включал в себя 500 г хлеба, 150 г мяса или рыбы (говядина — четыре раза в неделю, конина — два раза в неделю, сушеная рыба или селедка — один раз в неделю), 700 г картофеля, разные приправы и две

порции кофе. В месяц пленному полагалось 100 г мыла. Здоровых пленных при их желании разрешалось использовать на работах — поначалу в военном ведомстве (в гарнизонах и т.д.), а позже в государственных учреждениях и у частных лиц, из пленных можно было формировать рабочие команды с целью *“замещения гражданских рабочих на работах, требующих большого количества рабочих, таких, как железнодорожное строительство, выгрузка продуктов и т.д.”*. Работающие пленные получали полный солдатский паек и надбавку к денежному содержанию. Раненых и больных следовало *“трактовать наравне с солдатами Войска Польского, а гражданским госпиталям платить за их содержание столько же, сколько и за своих солдат”*.

В действительности столь детальные и гуманные правила содержания военнопленных не соблюдались, условия в лагерях были очень тяжелыми, об этом без всяких прикрас свидетельствуют десятки документов сборника. Ситуация усугублялась **эпидемиями**, бушевавшими в Польше в тот период войны и разрухи. В документах упоминаются сыпной тиф, дизентерия, испанка (грипп), брюшной тиф, холера, натуральная оспа, чесотка, дифтерия, скарлатина, менингит, малярия, венерические заболевания, туберкулез. В первом полугодии 1919 г. в Польше было зарегистрировано 122 тыс. заболеваний сыпным тифом, в том числе около 10 тысяч со смертельным исходом, с июля 1919 по июль 1920 г. в польской армии было зафиксировано около 40 тысяч случаев болезни. Лагеря военнопленных не избежали заражения инфекционными заболеваниями, а зачастую были их очагами и потенциальными рассадниками. В распоряжении министерства военных дел Польши в конце августа 1919 г. отмечалось, что *“неоднократная отправка пленных вглубь страны без соблюдения самых элементарных требований санитарии привела к заражению почти всех лагерей пленными инфекционными болезнями”*.

Приведу несколько цитат из доклада о посещении в октябре 1919 г. лагерей в Брест-Литовске уполномоченными Международного комитета Красного Креста в присутствии врача французской военной миссии. Численность размещенных в четырех лагерях в Брестской крепости военнопленных составляла на тот период 3861 человек:

“От караульных помещений, так же как и от бывших конюшен, в которых размещены военнопленные, исходит тошнотворный запах. Пленные зябко жмутся вокруг импровизированной печки, где горят несколько поленьев, — единственный способ обогрева. Ночью,

укрываясь от первых холодов, они тесными рядами укладываются группами по 300 человек в плохо освещенных и плохо проветриваемых бараках, на досках, без матрасов и одеял. Пленные большей частью одеты в лохмотья...

Жалобы. Они одинаковы и сводятся к следующему: мы голодаем, мы мерзнем, когда нас освободят? Следует, однако, отметить как исключение, подтверждающее правило: большевики заверили одного из нас в том, что они предпочли бы теперешнюю свою участь участи солдат на войне.

Выводы. Этим летом из-за скученности помещений, не пригодных для жилья; совместного тесного проживания здоровых военнопленных и заразных больных, многие из которых тут же и умирали; недостаточности питания, о чем свидетельствуют многочисленные случаи истощения; отеков, голода в течение трех месяцев пребывания в Бресте, — лагерь в Брест-Литовске представлял собой настоящий некрополь.

Преобразования были намечены и реализованы начиная с сентября — эвакуация части пленных в другие, с лучшей организацией, лагеря, освобождение части пленных, улучшение оборудования, режима питания (еще недостаточного) и обращения с пленными... Следует подчеркнуть успешное и эффективное вмешательство различных иностранных миссий, в частности, Франции и особенно Соединенных Штатов. Последняя поставила белье и одежду для всех военнопленных...

Две сильнейшие эпидемии опустошили этот лагерь в августе и сентябре — дизентерия и сыпной тиф. Последствия были усугублены тесным совместным проживанием больных и здоровых, недостатком медицинской помощи, питания и одежды. Медперсонал заплатил свою дань инфекции — из 2 врачей, заразившихся дизентерией, 1 умер; из 4 студентов-медиков 1 умер. 10 медсестер, заболевших сыпным тифом, выздоровели, а из 30 заболевших санитаров 1 скончался. Чтобы сберечь медперсонал, в штат набирают бывших больных, пользуясь их приобретенным иммунитетом. Рекорд смертности был поставлен в начале августа, когда в один день от дизентерии скончались 180 человек.

Смертность с 7 сентября по 7 октября: дизентерия — 675 (1242 заболевших), сыпной тиф — 125 (614 заболевших), возвратный тиф — 40 (1117 заболевших), истощение — 284 (1192 заболевших), всего — 1124 (4165 заболевших, т.е. смертность — 27% от числа заболевших). Эти цифры, по сути, подтверждают достоверность списка умерших, составленного группой пленных, согласно которому в период с 27 июля по 4 сентября, т.е. за 34 дня, в лагере Бреста умерли 770 украинских военнопленных и интернированных.

Следует напомнить, что число пленных, заключенных в крепости, в августе постепенно достигло, если нет ошибки, 10 000 чел., а 10 октября составляло 3861 чел. Такое сокращение объясняется, помимо высоких показателей смертности, освобождением и эвакуацией пленных в различные лагеря”.

Позже из-за неподходящих условий содержания лагерь в Брестской крепости был закрыт. Но и в других лагерях ситуация была не лучше. Вот отрывок о лагере в Белостоке из докладной записки начальника санитарного департамента министерства военных дел Польши (декабрь 1919):

“Я посетил лагерь пленных в Белостоке и сейчас, под первым впечатлением, осмелился обратиться к господину генералу как главному врачу польских войск с описанием той страшной картины, которая предстает перед каждым прибывающим в лагерь... Вновь то же преступное пренебрежение своими обязанностями всех действующих в лагере органов навлекло позор на наше имя, на польскую армию так же, как это имело место в Брест-Литовске. В лагере на каждом шагу грязь, неопрятность, которые невозможно описать, запущенность и человеческая нужда, взывающие к небесам о возмездии. Перед дверями бараков кучи человеческих испражнений, больные до такой степени ослаблены, что не могут дойти до отхожих мест... Сами бараки переполнены, среди „здоровых” полно больных. По моему мнению, среди 1400 пленных здоровых просто нет. Прикрытые только тряпьем, они жмутся друг к другу, согреваясь взаимно. Смерд от дизентерийных больных и пораженных гангреной, опухших от голода ног. В бараке, который должны были как раз освободить, лежали среди других больных двое особенно тяжелобольных в собственном кале, сочащемся через верхние портки, у них уже не было сил, чтобы подняться, чтобы перелечь на сухое место на нарах...

Так гибли военнопленные в Сибири, Черногории и Албании! Два барака оборудованы под госпитали; видно старание, видно желание исправить зло — к сожалению, за это взялись с опозданием, и нет средств и людей, чтобы сегодня сделать ту работу, с которой месяц назад можно было легко справиться...

Отсутствие топлива и диетического питания делает невозможным всякое лечение. Американский Красный Крест дал немного продовольствия, риса, когда это закончится, больных нечем будет кормить. Две англичанки-медсестры закрылись в одном бараке и лечат дизентерийных больных. Можно только поражаться их нечеловеческому самопожертвованию...

Причины такого положения вещей — общее тяжелое положение страны и государства после кровавой и изнуряющей войны и вызванные этим нехватка продовольствия, одежды, обуви; переполненность лагерей; присылка здоровых вместе с больными с фронта прямо в лагерь, без карантина, без дезинсекции; наконец — и пусть виновные в этом покаются — это неповоротливость и безразличие, пренебрежение и невыполнение своих прямых обязанностей, что является характерной чертой нашего времени. Поэтому останутся безрезультатными все усилия и старания, любая суровая и тяжелая работа, полная самопожертвования и горения, работа, Голгофу которой отмечают многочисленные, еще не поросшие травой могилы врачей, которые в борьбе с эпидемией сыпного тифа в лагерях пленных отдали жизнь при исполнении служебного долга...

Победа над эпидемией сыпного тифа и санирование лагерей в Стшалково, Брест-Литовске, Вадовице и Домбе — но реальные результаты в настоящий момент минимальны, потому что голод и морозы собирают жертвы, спасенные от смерти и заразы”.

Для решения проблем предлагалось созвать совещание и назначить чрезвычайную комиссию из представителей министерства военных дел и верховного командования, которая бы осуществила все необходимое, “незвизира на труд и затраты”.

В докладе санитарного департамента военному министру о тяжелом положении военнопленных в лагерях и необходимости принятия срочных мер по его улучшению (декабрь 1919) также приводились многочисленные примеры из отчетов, описывающих состояние лагерей, и отмечалось, что лишения и мучения пленных оставляют “несмываемое пятно на чести польского народа и армии”. Например, в лагере в Стшалкове “борьбу с эпидемией, кроме таких причин, как нефункционирование банного заведения и отсутствие дезинфекционных средств, затрудняли два фактора, которые комендантом лагеря были частично устранены: а) постоянное отбирание у пленных белья и замена его ротами охраны; б) наказание пленных всего отделения тем, что их не выпускали из бараков по три и более дней”.

Предпринятые министерством военных дел и верховным командованием Войска Польского решительные шаги в сочетании с инспекциями и жестким контролем привели к существенному улучшению снабжения лагерей продовольствием и одеждой для пленных, к уменьшению злоупотреблений со стороны лагерной администрации. Во многих отчетах о проверке лагерей и рабочих команд летом и

осенью 1920 г. отмечено хорошее питание пленных, хотя в некоторых лагерях узники по-прежнему голодали. Как указывает В.Г.Матвеев в предисловии российской стороны, “для возродившей в ноябре 1918 г. свою государственность Польши весьма важной была проблема ее международного имиджа как цивилизованного демократического государства, а это в определенной степени зависело и от отношения к пленным”. Имеются “многочисленные достоверные свидетельства не только тяжелого положения пленных, но и мер, предпринимавшихся польскими военными властями, в том числе и на самом высоком уровне, по его улучшению”. В приказе верховного командования от 9 апреля 1920 г. указывалось, что необходимо “сознавать меру ответственности военных органов перед собственным общественным мнением, а также перед международным форумом, который тут же подхватывает любой факт, который может принизить достоинство нашего молодого государства... Зло необходимо решительно искоренить. Армия прежде всего должна стоять на страже чести государства, соблюдая военно-правовые инструкции, а также тактично и культурно относиться к безоружным пленным”. Важную роль играла помощь союзнических военных миссий (например, США поставили большое количество белья и одежды), а также органов Красного Креста и других общественных организаций — особенно Американской ассоциации христианской молодежи (ИМКА). Снова цитируя российское предисловие, “особенно активизировались эти усилия после окончания военных действий в связи с возможностью обмена военнопленными. В сентябре 1920 г. в Берлине между организациями Польского и Российского Красного Креста было подписано соглашение об оказании помощи находящимся на их территории военнопленным другой стороны. Эту работу возглавили видные правозащитники: в Польше — Стефания Семполовская, а в Советской России — Екатерина Пешкова”. Соответствующие документы также приведены в сборнике.

Замечу, что даже из приведенных цитат, по-моему, с очевидностью следует некорректность часто встречающегося в СМИ сопоставления вопросов, касающихся судьбы пленных красноармейцев (“Контр-Катынь”), с проблемой собственно Катыни. В отличие от Катыни, нет никаких документальных оснований обвинять польское правительство и военное командование того времени в проведении целенаправленной политики уничтожения российских военнопленных.

В российских публикациях в СМИ о судьбе пленных красноармейцев часто упоминаются самый большой (до 25 тыс. пленных) лагерь в Стшалкове и лагерь в Тухоли. Не менее

десяток материалов сборника подробно касаются тяжелого положения пленных в этих лагерях и реальных мер по исправлению ситуации. Лагерь в Тухоли в массовых публикациях называют “лагерем смерти”, указывая, что в нем погибло около 22 тысяч красноармейцев. Однако документы этого не подтверждают. Как резюмирует З.Карпус, “в этом лагере большевистские военнопленные содержались только с конца августа 1920 г. до середины октября 1921 г. Авторы не задумываются над тем, возможно ли, чтобы так много пленных умерло за столь краткий срок пребывания в Тухоли. Ситуация там была трудной, пленных размещали в землянках, многие из которых были разрушены и требовали ремонта. Ремонт, однако, не был завершен до направления туда поздней осенью 1920 г. нескольких тысяч солдат Красной Армии (максимально в марте 1921 г. в Тухоли находилось более 11 тысяч российских военнопленных). Появление такого большого количества пленных вызвало там вспышку эпидемии заразных болезней (тифа, холеры, дизентерии, гриппа). По этой причине умерло много военнопленных, больше всего в январе 1921 г. — более 560 человек. В последующие месяцы положение в лагере радикально улучшилось”. В своем докладе о деятельности РУД (российско-украинской делегации в Российско-украинско-польской смешанной комиссии по репатриации, созданной для выполнения постановлений Рижского мирного договора 1921 г. о репатриации и обмене пленными) ее председатель Е.Я.Аболтин ссылается на официальную справку заболеваемости и смертности в Тухоли с февраля по 15 мая 1921 г. — по данным лагерного лазарета. За это время в лагере было зафиксировано около 6500 эпидемических заболеваний (сыпной, возвратный и брюшной тиф, холера, дизентерия, туберкулез и др.), причем 2561 больных умерли. В этом же докладе (его текст завершает основную часть сборника) отмечено, что “по неточным сведениям, собранным от самих военнопленных, в одном только лагере Стржалкове [Стшалкове] умерло около 9000 наших военнопленных”. Это приблизительно согласуется с польскими данными. Например, по приведенной в сборнике справке санитарного департамента МИД, в период с 16 по 22 ноября 1920 г. в Стшалкове от инфекционных болезней умирало 50–90 человек в день. Помимо эпидемий и плохого снабжения, что было типично для всех лагерей, лагерь в Стшалкове выделялся злоупотреблениями и жестоким отношением к пленным со стороны лагерной администрации. В итоге его комендант поручик Малиновский был арестован и отдан под суд.

Между историками существуют значительные разногласия в отношении **общего количества пленных красноармейцев** (а с этим связаны и оценки числа умерших или погибших в плену).

Полных данных нет, так как учет не всегда велся систематически, а также потому, что часть архивов за прошедшие десятилетия была утеряна или погибла, особенно во время II Мировой войны. З.Карпус в польском предисловии и в других своих публикациях говорит о **110 тысячах** российских военнопленных на момент окончания боевых действий в середине октября 1920 года. При этом около 25 тысяч вскоре после пленения поддались активно проводившейся агитации и вступили в антибольшевистские формирования, сражавшиеся на польской стороне: в соединения Станислава Булак-Булаховича, 3 ю русскую армию Бориса Перемыкина, казачьи формирования Александра Сальникова и Вадима Яковлева и в армию Симона Петлюры. Часть этих войск подчинялась Русскому политическому комитету, который возглавлял Борис Савинков. З.Карпус отмечает, что большинство вступивших руководствовались не идейными соображениями, а просто хотели поскорее покинуть лагеря военнопленных — и многие, оказавшись на фронте, переходили на сторону Красной Армии. В.Г.Матвеев в российском предисловии критикует подсчеты З.Карпуса и оценивает общую численность плененных за 20 месяцев войны красноармейцев примерно в **157 тысяч**. Отмечу, что самое большое число красноармейцев попало в плен в ходе проигранного сражения за Варшаву в августе 1920 го: 45-50 тыс. человек по польским и российским данным.

По подписанному 24 февраля 1921 г. соглашению о репатриации между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей — с другой, в **Россию в марте-ноябре 1921 г. вернулись 75 699 красноармейцев** — согласно приведенным в сборнике подробным справкам мобилизационного управления Штаба РККА. По данным же З.Карпуса, это число составило 66 762 человек, включая 965 пленных, отправленных домой в начале 1922 г., — поначалу они были оставлены в Польше как гарантия того, что российская сторона вернет польских пленных. В российском предисловии обсужден вопрос о тех 62-64 тысячах человек, которые не умерли в плену (выше уже отмечалось достигнутое качественное согласие российских и польских оценок численности умерших в лагерях красноармейцев — 18-20 и 16-17 тыс. человек), но и не вернулись по репатриации. Из них, как отмечает В.Г.Матвеев, более или менее известной можно считать судьбу около 53 тыс. пленных: часть попала в антибольшевистские формирования, сражавшиеся на польской стороне, часть была освобождена во время контрнаступления Красной Армии летом 1920 г., часть — из Западной Белоруссии и Западной Украины — была отпущена или бежала домой, некоторое количество пленных было выпущено на свободу в пропагандистских целях (цитируя

приказ Верховного командования от 16 апреля 1920 г.: “...этих пленнх нужно хорошо накормить и снабдить прокламациями для их товарищей”), примерно тысяча человек не пожелала вернуться на родину, примерно тысяча мобилизованных в Красную Армию граждан Латвии, Эстонии, Румынии, Югославии, Венгрии, Финляндии и некоторых других стран вернулась в свои страны. Из оставшихся 9–11 тысяч пленнх с невыясненной судьбой некоторые могут все же попадать в перечисленные выше категории, а некоторые могли оказаться “мобилизованными для нужд Западного фронта крестьянами с повозками, оказавшимися в Варшавском котле в августе 1920 г.”.

При обсуждении вопроса об умерших или погибших в плену красноармейцах нельзя обойти вниманием вопрос о **расстрелах пленнх без суда и следствия**. Такие факты имели место на фронте в период ведения боевых действий, а в каких-то случаях и в лагерях. Однако об их масштабе ничего нельзя сказать, так как документов об этом практически нет, в основном есть отдельные свидетельства очевидцев. Мне удалось найти какие-то упоминания о расстрелах пленнх лишь в восьми документах сборника (для точности перечислю номера этих документов — 44, 51, 125, 210, 268, 298, 299, 314). Так, в оперативной сводке командования 5 й армии Войска Польского от 24 августа 1920 г. отмечено: “В качестве возмездия за 92 рядовых и 7 офицеров, жестоко убитых 3 м советским кавалерийским корпусом, сегодня расстреляны на месте экзекуции [правильно перевести: казни] наших солдат 200 взятых в плен казаков из советского 3 го кавалерийского корпуса”. В другом документе говорится об издевательствах над отрядом мобилизованных в Красную Армию латышей, добровольно сдавшихся в плен, причем двух пленнх “расстреляли без всякой причины”. Замечу, что и с советской стороны, по всей вероятности, имели место случаи жестоких внесудебных расправ с военнопленными — свидетельством тому служит, например, “Конармейский дневник” Исаака Бабея.

Несколько дополнительных материалов сборника (включая современные фотографии) касаются **захоронений пленнх красноармейцев** в Польше. В основном это документы 1936–1938 гг., полученные из польского МИДа, а также донесения советских дипломатов о состоянии могил и о мерах по приведению их в порядок — в тех случаях, когда это было необходимо. По состоянию на 1997 г., в Польше имелось 13 мест захоронений военнослужащих и военнопленнх Красной Армии периода советско-польской войны, в которых погребено 12 035 человек. Как отмечают З.Карпус и В.Резмер, “умершие в лагерях хоронились на расположенных поблизости отдельных

кладбищах. В течение всего межвоенного периода они находились под опекой польских военных и гражданских властей. Кладбища были огорожены, приведены в порядок, на них установили скромные памятники и кресты. Некоторые из них сохранились до сегодняшнего дня, и при необходимости можно осуществить эксгумацию погребенных там российских военнопленных”.

Нельзя не отметить родственную теме сборника проблему, указанную в конце польского предисловия и касающуюся судьбы **польских пленных**: “...во время польско-советской войны 1919–1920 гг. военное положение на фронтах часто менялось. В первый период войны поляки заняли Вильно, дошли до Березины, а затем овладели Киевом. Летом 1920 г. Красная Армия дошла до Вислы и угрожала Варшаве. Следствием побед, одержанных обеими сторонами конфликта, было пленение многих солдат как Войска Польского, так и Красной Армии. После окончания конфликта с Советской Россией польские военные власти подвели баланс собственных потерь. Из него следует, что в советский плен попало более 44 тыс. солдат польской армии. В Польшу в результате акции обмена военнопленными возвратилось только около 26,5 тыс. человек, поэтому существует срочная необходимость выяснения судеб не вернувшихся домой”.

Сборник содержит множество таблиц и различных цифровых данных. При публикации таких сводок неизбежны опечатки, общее количество которых, однако, оказалось очень небольшим. Как пример, отмечу справку о возвращающихся из Польши пленных по данным на 1 ноября 1921 г.: общая численность прибывших пленных составила на тот момент 73 623, а не 82 623 человек, как ошибочно указано.

В завершение остается процитировать высказывание председателей российской и польской редакций сборника — руководителя Федерального Архивного агентства России Владимира Козлова и директора Генеральной дирекции государственных архивов Польши Дарьи Наленч: “Созданный польскими и российскими учеными совместный труд является еще одним вкладом в раскрытие малоизученных страниц истории России и Польши XX в., способствует дальнейшей гуманизации взаимоотношений наших стран”.

Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. Сб. документов и материалов. Москва — Санкт-Петербург, “Летний сад”, 2004. 912 с. 1000 экз.

Post scriptum

Много лет назад в своем программном заявлении основатели «Мемориала» констатировали, казалось бы, очевидное: что прошлое не может быть собственностью какого бы то ни было политического лагеря. Исходя из этого, польские и российские исследователи уже не первый год занимаются распутыванием трудных вопросов нашей общей истории, опираясь не на преходящую политическую конъюнктуру, а на документы.

Таким образом возникла книга, которую рецензирует Алексей Памятных.

К сожалению, политики не хотят читать труды историков, так как это могло бы затуманить их черно-белый взгляд на историю. Словно в подтверждение этому вскоре после выхода книги заместитель секретаря Совета Безопасности России Николай Спасский в интервью «Российской газете» от 5 октября заявил:

«Мы сказали правду и о преступлениях сталинизма, и о невинных жертвах, в том числе иностранных гражданах. Сделали это и некоторые другие страны, в частности, Германия и Италия. Но не все. Например, Японии и той же Польше с трудом даётся примирение с собственным прошлым

Одно дело признать и сказать правду. Другое дело — постоянно просить извинения за собственное прошлое. В таком случае давайте все просить извинения друг у друга за всё. Тогда пусть Польша просит извинения за интервенцию 1605—1613 годов и за смерть десятков тысяч красноармейцев, в 1920–1921 годах погибших в польских концентрационных лагерях. Пусть Англия просит прощения за оккупацию российского Севера в годы Гражданской войны, а США и Япония — за оккупацию Дальнего Востока».

Кто-кто, а представитель столь серьезного органа власти должен знать факты и посвященные им научные труды. Он может с ними полемизировать, если у него есть документы, свидетельствующие о том, что дело обстояло иначе. Но писать о «польских концентрационных лагерях» вместо лагерей военнопленных — это возмутительная небрежность.

Трудно согласиться с Николаем Спасским и когда он утверждает, что правда о преступлениях сталинизма была произнесена, коль скоро в последние годы процесс ее раскрытия явно приостановился, о чем свидетельствует хотя бы тупик, в который зашло катынское следствие.

Давайте отбросим демагогию и не будем делать пустых заявлений на пепелище XX века. А еще — будем разговаривать друг с другом.

7 сентября на XV Международном экономическом форуме в г. Криница-Здруй были вручены традиционные премии «Человек года» и «Организация года», присуждаемые ведущим политикам, бизнесменам, общественным деятелям и деятелям культуры, а также общественным организациям Центральной и Восточной Европы. Общественной организацией года было признано общество «Мемориал», отмеченное как «организация, деятельность которой способствует взаимопониманию Центральной и Восточной Европы». Премии «Человек года» удостоен руководитель движения «Солидарность» и первый всенародно избранный президент Польши Лех Валенса.

Примечание:

1. Zbigniew Karpus. Jency i internowani rosyjscy i ukraińscy w Polsce w latach 1918–1924. Toruń, 1991. На русском языке см. статьи З.Карпуса в “Независимой газете” (2000, 19 окт.) и “Новой Польше” (2000, №11). Тема советско-польской войны 1919–1920 гг. и, в частности, вопросы о судьбе пленных красноармейцев неоднократно обсуждались в “Новой Польше”, см. напр. интервью Бориса Носова (2000, №11); Богдан Скарадзинский (там же); Наталья Подольская (там же и 2004, №3); Анджей Новак (2005, №4); Ежи Помяновский (2005, №5). Высказывания российских историков по проблеме можно найти, например, в “Независимой газете” (эти статьи есть и в электронном архиве газеты в Интернете): Владимир Дайнес, 3.11.2000; Ирина Михутина, 13.01.2001; Владимир Гривенко, 22.03.2001. Отмечу еще одну важную статью, касающуюся общего количества пленных красноармейцев: Геннадий Матвеев // “Вопросы истории”, 2001, №9, с.120–127.

УРЛА, или БОЛЬШОЕ КИДАЛОВО

— Литературная критика рекламирует твой роман «Польско-русская война под бело-красным флагом» как урловый роман. Между тем, герой — просто наркодилер; если его что и отличает, то только язык. В связи с этим меня заинтересовала твоя медийная стратегия. Почему ты утверждаешь, что книга урловая, хотя это не так?

— Я никогда не пыталась присочинить к своей книге никакой теории, тем более что термин «урловость» довольно неконкретен и скользок. Издатель поместил его на обложке, чтобы клюнули СМИ. Я потом целыми страницами в газетах оправдывалась за то, что прозвучали слова: урла, цепочка, блочный район, общественная ситуация.

— Но ведь ты не протестовала! Ты отвечала на вопросы так, чтобы подтвердить это мнение. Тем самым ты подтвердила, что это запись ментальности урлы. Таким образом, ты стала игрушкой в руках СМИ. Тебе не кажется, что у тебя отобрали книгу?

— Для меня не имеет никакого значения, как эту книгу воспринимают. Я уже не контролирую того множества интерпретаций, которые появились. Да меня это, собственно, и не интересует, не для того я писала книгу, чтобы потом ее объяснять и клясться, что не сдула ее у Пшибышевского. Люди по-разному понимают мои мысли, вот и цепляют разные ярлыки. Но в целом меня «фотографируют» так, чтоб я уместилась в рубрике между «Мартин Светлицкий рекомендует» и «подростковый позор польской литературы», предпочтительно на фоне грязного блочного района, с мятой сигаретой в углу рта.

Не стану же я перебраниваться с журналистами, доказывая, что толщина газетной страницы — доли миллиметра, а я трехмерна, да еще и с душой посередке. У меня изначально небрежное отношение к моему медийному образу. Может быть, опасно небрежное. Образ живет своей жизнью, а я своей.

— Поэтому тебе должно быть важно, чтобы тебя не тянули туда, куда ты не хочешь. Речь идет об элементарном чувстве подлинности.

— Это не меня тянут, а мой медийный образ тянут. Для меня это не имеет особого значения, я родилась с такими параметрами, что и так не могу высказать того, что думаю и чувствую. Могу только написать.

Знаешь, мне 19 лет, а я написала книгу, которая стала объектом психопатического интереса СМИ, — это ситуация интеллектуально патологическая. У меня был выбор из двух стратегий: либо упорствовать в собственной интерпретации, либо позволить, чтобы книгу толковали на разные лады. Мне кажется, если б я сама провозгласила, что такое «Война...», я бы тоже тем самым замкнула ее в какие-то рамки. Я реагирую рефлексивно. Может, даже потому, что все это мне давно уже надоело и просто не хочется об этом думать.

— У меня такое впечатление, что твоя книга стала сенсацией, оттого что ощущался голод по новому имени, новому лицу, новой теме. Явление урлы довольно широко известно, поэтому внушать, будто «Масловская открыла новый мир», есть акт культурного лицемерия. Как ты себя чувствуешь, участвуя в спектакле фальши, ты, личность, борющаяся за подлинность?

— Конечно, я не открыла этот мир, самое большее — его освоила. Призналась в причастности к нему. Возможно, даже восхитилась им. Он фальшив, но фальшив без претензий. Никто не делает вид, что родился с искусственными ресницами и багровой физиономией. А скучающая публика рукоплещет, потому что было скучно и пусто, а тут такое тропическое открытие, джунгли, неизвестные дикие герои, почти звери. Из одного фальшивого мира я попала в другой, фальсифицированный вдвойне. Поначалу я была в ужасе, потом стала относиться к этому, как к очередному вызову.

Все смеются, и не знают, что Сильный — это они сами.

— Потому что люди не желают знать, кто они такие, ведь может оказаться, что они никто. Об этом, кстати, видимо, и говорит твоя книга, которая, по сути дела, — разговор о трудности обретения самосознания, рефлексия о том, из чего вылеплена человеческая личность.

— Конечно, герои дрожат от страха, что они — никто, и поэтому панически ищут для себя какое-то определение, ярлык. Декламируют фразы, которые запомнили из газет и сериалов. Меня интересовал определенный склад ума — ум порошковый, ум брикетированный, типа «залить кипятком и подождать две минуты».

Однако я не возвожу это представление в ранг общесоциального диагноза.

— *Повествователь — молодой мужчина, но на самом-то деле это книга о девушках. Зачем тебе понадобилась мужская перспектива? У меня на этот счет своя мужицкая теория: повествователь, он же герой, — примитивный парень, такой, чтоб за него можно было спрятаться и за его счет сказать самые ужасные вещи о своих ровесниках.*

— Да неужели? А вот феминистки ценят эту книгу. Я всегда говорю, что эта книга — не против женщин и не против мужчин, а против всех. Женская глупость, увиденная сквозь призму мужской глупости, то есть глупость двойная. Глупость имеет тенденцию множиться, это общечеловеческое качество. Повествователь-мужчина понадобился мне, чтобы показать общечеловеческую глупость.

— *Сильный — не идиот, самое большее, он, может быть, немного сдвинут наркотиками. Его тип ассоциирования и мышления выдает в нем умного человека. А вот окружающие его девицы — явный продукт массовой культуры, куклы, слепленные из фильмов, теледисков и сериалов.*

— Сильный кажется умнее, оттого что я приоткрыла его мыслительный процесс, наложив на него свои размышления о мире. А девушки кажутся такими дурами, потому что не живут своей жизнью, это персонажи, чье мышление воспринимается через призму сознания Сильного. Если бы повествовательницей была, к примеру, Анджела или Магда, то наверняка она тоже была бы склонна к несколько более разумному мышлению. Выбор пал на Сильного, вот он и перенял у меня малость ума.

— *Почему ты написала книгу, направленную против своего пола?*

— Книга в той же степени нацелена и в мужчин, вообще во всех. Читатель или читательница, усваивая образ мыслей Сильного, попросту начинает с ним себя отождествлять, и благодаря этому его гнусный склад ума как бы нейтрализуется, адаптируется, хотя он, несомненно, по-прежнему остается отвратительным.

— *Ну, я не уверен. Сильный так отчетлив, поскольку амбивалентен: и хорош и плох, безнадежно глуп и удивительно рационален, другие подчинили его себе, но он отмежевывается от окружения. То же, впрочем, касается и Магды, которая также двойственна. Но остальные женские образы нарисованы одним*

жирным росчерком пера. А кроме того, на самом деле я не думаю, чтобы это была диатриба против женщин, скорее, ты объявила свою частную войну лицемерию мира и людей. Думаю, это книга с двойным дном.

— Единственное, что я сказала до сих пор важного в разных интервью, — это то, что книга говорит о большом кидалове и обмане, что на каждом шагу мы имеем дело с какой-нибудь болезненно разросшейся неправдой.

Мои нынешние отношения со СМИ, о которых ты спрашивал, это очередное проявление кидалова. Иногда у меня даже возникает параноидальное впечатление, будто я просто всех обманула. Я пошутила, а люди купились. Все, над чем я издевалась, весь абсурд мира вернулся ко мне — вместе с очередными интервью, подсунутыми под нос микрофонами и торжественно-серьезными церемониями, только все возведено в квадрат и лучше замаскировано.

Если бы я отнеслась к тому, что сейчас вокруг меня творится, серьезно, а не как к очередному проявлению большого абсурда, это был бы конец, падение, мой личный, внутренний скандал. Но поскольку у меня есть чувство всеобщей и, собственно говоря, непредсказуемой пародийности, я все время удивляюсь. И это меня спасает.

— Масса университетских центров, библиотек и домов культуры еще будут тебя приглашать на авторские вечера, а ты не сможешь отказать и в какой-то момент станешь человеком, роль которого прежде только играла. Согласна ли ты вообще на эту роль?

— Ты говоришь о роли человека, при виде которого публика рукоплещет, а читатели задают вопросы, ожидая, что он откроет им смысл жизни и суть вещей?

Я с самого начала знала, что никогда не смогу эту роль хорошо сыграть. Я никогда не скрывала от публики, что мне особенно нечего ей сказать, а рукоплескания вгоняют меня в паранойю. Встречи с читателями — для меня всегда пытка, но иногда я на них езжу, потому что эта неприятность какая-то особенная. На этих встречах я острее всего чувствую, что вовсе я никакая не «польская писательница Дорота Масловская».

— Дорота, помнишь знаменитую фразу Флобера: «Мадам Бовари — это я»? Писатель — странное существо: создавая литературные персонажи, он пропускает их через себя. То есть

те девушки, которых ты описываешь, они немножко ты. Значит ли это, что книга в какой-то мере направлена и против тебя?

— Писатель пропускает персонажей сквозь себя или, что хуже, пропускает себя сквозь персонажей. У меня нет сомнений, что все это родилось у меня в голове и героев я тоже в какой-то момент, видимо, по неосторожности в себе взрастила. Видимо, это какие-то мутированные, тайные варианты меня самой, это я законная владелица их слов и мыслей. Ужасно, что мир так сильно нас пронизывает. Надо отдавать себе отчет, насколько ты глупа.

— И ты отдаешь себе в этом отчет?

— Да, я чувствую, что я глупа. И смешна. Я не говорю: вы, а говорю: мы глупы и смешны.

— Внимательно и с удивлением я прочел твой текст, который осенью появился в «Газете выборчей» в рамках дискуссии о так называемом Поколении Никто. Внимательно, потому что он был написан трезво, а с удивлением — потому что его переполнял пессимизм. А ведь стоящая передо мной девушка только что выпустила бестселлер и с шумом входит в мир, который якобы не дает никаких перспектив...

— Я старалась показать проблему в том аспекте, что мы — поколение, которому не очень-то есть за что бороться, все подано нам на тарелочке. Другие люди впадают в дикую фрустрацию, потому что не получили того, что нам навязывают через силу. Дело не в том, куда ты попадешь, сдав на аттестат зрелости, — в гипермаркет или, с вышеупомянутым шумом, на подиум: наша жизнь будет сводиться к потреблению, на более высоком или более низком уровне. Мы наедемся. И ничего из этого не последует.

— Так чего вам нужно — войны или революции?

— Нам нужно нечто, за что мы будем бороться и против чего сможем выдвинуть свою армию: в молодых людях есть особый запас сил, предназначенный для того, чтобы оттолкнуть старшее поколение от штурвала. Эта сила либо вызревает, либо вся тратится на еду, которая приходит к нам сама. Другого противника я что-то пока не могу высмотреть. Если мы что-то сделаем или построим, то только из этого мусора, отходов и пластика, которыми нас кормят. Я считаю, что ситуация моего поколения — незавидная.

— Нет, я не хочу этой мартирологии пресыщения... Лучше расскажи мне, как ты работала над языком своей книги. На первый взгляд могло бы показаться, что это слэнг определенной среды. Однако каждый, кто записывал какие-нибудь высказывания вроде этого, знает, что это трансформация. Здесь нет живого языка...

— Я и не утверждала, что записала все это на магнитофон и переписала. Это правда, я этот язык не придумала и не подслушала. Только вычленила некий его скелет и на нем, кстати из разных обломков и обрывков, построила что-то новое. В свою очередь, это я считаю большим достижением, речь звучит как бред, она полна парадоксов, абсурдна, повреждена, и в то же время содержательна.

Уже уловив законы, управляющие этим языком, я и сама переняла некоторые его неправильности и стала ими пользоваться повседневно. Сейчас я пишу разные мелкие куски прозы и замечаю, что такого типа «грамматико-стилистические искажения» использую уже неосознанно.

— Насколько «Война» — это фактографическая запись, а насколько фантазия на тему мира, который ты видела из-за оконного стекла, о котором тебе кто-то немножко рассказал?

— Хе-хе! Тебя смущают наркотики? Я ведь и так никогда не скажу в микрофон ни что «я принимала наркотики», ни что «я не принимала наркотиков», это было бы стыдно. Они — естественный, неотторжимый элемент мира, который я описала.

Есть вещи, которые лично меня коснулись, а потом на их основе я вырастила мир своей книги. Другие я видела вблизи и переживала больше, чем люди, которых они коснулись непосредственно. Меня всегда тянуло к такой среде и до сих пор тянет. Личное проникновение в этот мир было мне безусловно необходимо.

— Для чего оно было тебе необходимо?

— Чтобы оказаться внутри кого-то и за него думать.

— Подозреваю, что после выхода книги ты стала больной проблемой для своих родителей. Если даже мир «Войны...» это вымысел, они наверняка были взволнованы. Как эта книга повлияла на ваши отношения?

— Я восхищена тем, как родители отнеслись к «Войне». Догадываюсь, что им было нелегко и пришлось проявить немалую самоотверженность, чтобы, читая, плакать от смеха.

Они оценили книгу в языковом отношении, хотя у нас дома никогда не звучали никакие бранные слова. «Все эти твои б... и х...», — говорит моя мама, будто я выращиваю каких-то отвратительных экзотических животных.

Однажды какая-то читательница сказала мне, что не хотела бы быть моей матерью. Сказала, что ее дочь моего возраста смотрит телевизор и шлифует пилкой ногти. И это лучше.

— В твоей прозе с огромной силой проявился грубый физиологизм. Взять хоть образ девушки, которая блюет камнями и оставляет за собой полосу менструальной крови буквально по всему Гданьску — на тротуарах, на мостовой, в автобусе, даже на брюках полицейского. Это довольно забавно, и в то же время ужасно неприятно. Таких средств не используют без причины. Поэтому я задаюсь вопросом: может быть, это какая-то форма реакции на неудовлетворенность тем, что женщинами манипулируют, сталкивают их в секс, биологию, плоть?..

— Это скорее неудовлетворенность тем, что из нынешнего мира совершенно вытеснена физиология — то есть полностью отрицается пот, запах, все проявления животного аспекта человеческого бытия. Но вытеснение вовсе не перечеркивает тему, она существует, прорывается сквозь какие-то извилистые щели. С одной стороны, телевидение эпатирует рекламой прокладок, с другой — жидкость в них голубая.

— Меня озадачил финал книги. Когда Сильный разбивает себе голову об стенку и появляется Масловская, «Война» меняет свой характер даже стилистически, становится похожа на прозу Конвицкого. А потом становится «книгой Апокалипсиса», и признаюсь, рассыпается в руках. Словно автор в конце решил доказать, что умеет играть и на других инструментах...

— Добавить последнюю часть — это была идея издателя, чтобы читатель знал, что язык Сильного — это вымысел, а не естественный язык автора. Не знаю, насколько хороша была идея, часть читателей восхищена, часть спрашивает, зачем и почему. Для меня это такое резюме «Войны» — написанное красивым языком.

— Как раз этого я как-то не заметил. Я обратил внимание, глядя на тебя по телевидению и читая с тобой интервью, что ты часто употребляешь слова «красота» и «сатана». В твоей книге их тоже очень много. В какой степени это просто фигура речи, а в какой — мучительное ощущение демоничности мира, ощущение, что ты соприкасаешься с какой-то чертовщиной?

— Этого действительно много — кажется, что я эпатирую инфантильным видением мира, это, наверно, какие-то остаточные явления детства, какое-то убеждение, что если копать и копать, то можно в какой-то момент докопаться до огня и красного сала, а добрые люди, в свою очередь, живут вместе с Богом на тучке небесной. У меня ведь пока только среднее образование, так что нет ничего удивительного в том, что свои метафизические прозрения я классифицирую очень просто, провокационно сама перед собой притворяюсь, что верю в эти понятия. У меня острое ощущение демонизма, высокий уровень тревожности.

— *Перед нашим разговором я был на монтаже, на телевидении, там Павел Круликовский как раз монтировал какой-то материал с твоим участием. В нем ты бросила в камеру: «Это вы — ад!» Вы, то есть телевидение. Этот ад прочно обосновался на земле.*

— Из-за вас я себя чувствую немного марионеткой. Телевидение, газеты — все это навалилось на меня с такой силой, будто меня посадили на карусель, которую невозможно выключить.

— *Наверно, с этим все-таки можно что-то поделать. Конечно, трудно поселиться в Эдеме, но можно уехать в пустыню, как Ольга Станиславская или Рышард Капустинский, год не возвращаться к цивилизации и как-то там очиститься.*

— (Решительно): Нет, нет! Надо входить в этот мир, ковыряться в нем, наблюдать. Так я это представляю.

— *Забавное название «Польско-русская война под бело-красным флагом», по сути, скрывает в себе серьезный вопрос: напряжение между представлением о «Польше для поляков» и «Польше для пришельцев». Русские у тебя — это, конечно, русские, но они же немного и американцы, так, может быть, тут речь и о глобализации? За что и против чего ты выступаешь в этой книге?*

— Меня не волнуют никакие проблемы этого типа, у меня нет никаких политических взглядов. Политика функционирует в моем романе только как набор абсурдных лозунгов — совокупность обрывков, услышанных по телевидению, или какого-то абсурдного бреда. Политика — это то, чего нет. Я писала, что вообще не в состоянии понять, из-за чего эти люди ссорятся и дерутся. Это для меня какая-то полная нелепость — Годо, которого все ожидают. Ведь на самом-то деле в моей книге никакой польско-русской войны нет, это коллективная галлюцинация, создающая у людей чувство общности. Это для

них компенсаторная тема, потому что им просто не против чего бороться.

— Но это кабаре происходит на самом деле, и люди всерьез, а не в пьяном виде хватают друг друга за горло. Что еще хуже — от того, как у них это выйдет, будет зависеть наша жизнь, наше будущее.

— Мне кажется, из-за того, что делается в политике, ни один толковый человек не желает принимать в этом участия. Это слишком смешно и отвратительно!

— То есть — что должно за этим последовать?

— Большой взрыв. Это и есть польско-русская война.

Подготовили: Каролина Быковская,

Станислав Бересь

КОРОЛЕВСКИЙ ПАВЛИН

Эй, люди, хорош уже спать-то, будет, вот вам байка про пожар на блюде, вот вам байка про девушку некрасивую, у которой было лицо свиньи, а тело псине, глаза гноились, туда-сюда расходились, рот зубат, улыбается каждый зуб на свой лад, на лбу лиловая вена, асимметричные щелки-веки, Боже нас сохрани, никто такую уродину не хотел и знать, ни один парень ее не хотел продрать, потому как, глядя на такое рыло, у всех с души воротило, католический Бог казался юзсейским пастором, ежевечерним Спортивным Телетотализатором, подслеповатым жонглером, рокенрольным фрондером, из Манго-Гдыни гипнотизером, который тебе покажет девчонку, да сперва подложит ей свинью под юбчонку, желтым прохиндеем со Стадиона Десятилетия, который тебе запросто впарит гнилую белую кость как суперэкстратвоюнову супертрость.

Звали ее Питц Патриция, и жила она вроде где-то на 00-910 Воронича, остановка Телевидение, где, как думает каждый поляк, самая красивая в Польше улица, а по ней средь бела дня ходит Торбицкая. А может, на Черской, остановка Якобы Европа, тоже самая красивая в Польше улица, каждый день новые акции, большая акция поможем друг другу улететь на ментальные вакации, большая акция зачем тебе комбинация, всеобщая популяризация, большая общенародная акция дефекация и прокреация, ЕС Секерки, шпация. Никто не красавец, но святая Питц Патриция это Дух Святой, у меня в голове стоят для нее алтари, на которых подле Иисуса она, с лицом, прикрытым рогожкой, хоть ты умри.

ЕС Секерки и ЕС Кавенчин, Патриция Питц, мир с детства плевал ей смердящей и теплой слюной в протянутую руку, и другие дети не хотели играть с таким некрасивым ребенком, хотя у ее родителей было много денег, говорили так: моя Каролинка маленькая мисс больше играть не будет с этой противной Питц, потому что потом с утра рассказывает страшные сны, ей снится уродка Питц, как она сует ей в кровать свою рожу и говорит: теперь ты на меня похожа. Жила-была рыбка, рыбка золотая, почему Патриха гадкая такая, Гжесь в колеса палки ставил, кто ж тебе так пасть раззявил, над дорогой был навес, на Патриху батька влез. Ехал мимо форд фиат, ей заделал младший брат. Нахлобучил дед картузик, а

Патриху трахнул кузин. По реке плывет панама, а Патриху топчет мама.

А потом с нее содрали юбку, в огород кинули и песком рот набили, а потом нассали на нее, а потом смеялись над ней, тебя призвал Господь, даже даун с первого этажа, хоть и не знал, над чем, а тоже над ней смеялся и кричал эссе майне шайсе зи швайне рай, скажи, как он только запомнил столько трудных слов, пена у него так и шипела на морде, хлестала и на портках пенилась, розовый монгольский яд, кап-кап, апокалипсиса знак, так. Столько лет вопили дворы, гноились оконца, заходило вырезанное из бумаги солнце, каждый день был все глуше и тише в ее препохабном житьишке, как пойдет ее отец магистр по двору, так ему добрый день добрый день и утром и ввечеру, кто больше выхлопа заглотит от его новенького вартбюргера, а как проедет, мигом шасть за его дочуркой, эй Питц эй Питц, хочешь окурков, иди, напихаем тебе камней в пиндюрку, а в едальник от макрели шкурку. А теперь слушай меня внимательно, если ты думаешь, будто к чему-то имеет касательство, на какой это было улице, Черской, Перской или Воронича, Дерьямой, Засраной или на Анальном круге, и в какой это было округе, на свалке Радиово или в аэропорту Бемово, на Жолибоже, Фаленице или на Праге, то на тебя, старик, жалко влаги, ты перепутал слова, сучий этот бардак всем знаком, это не многоэтажка и не старый каменный дом, а твоя голова, из которой торчит солома, так-так, это господин тик-так, это время так тикает, а заяц по снегу мыкается, вроде дерьмо, зато на радужной тарелочке, дерьмо, но такое клёвое, с зонтиком, сверху глазурь, узор из орешков, вроде и дерьмо, зато порционное, с ложечкой, так что нечего, господа, какая оказия, что за вечер. Спи и не думай ни о чем, мальчик мой, глянь-ка, твой удишка уже уснул в штанишках, и месяц уснул с руками поверх одеяла, а завтра суббота, собаки спят, мать твоя спит, видишь, как хорошо, ты вырезаешь призы, выигрываешь лоты, завтра суббота. Спи и не думай ни о чем, газета бодрствует мать твоя «Выборча», порядок царит в Кракове, и в Варшаве порядок, во всей Польше полный покой, вся Польша посылает боны и стрижет купоны, ей нужны позарез новые велосипеды и панталоны. А сейчас будет конкурс на восьмой день недели, а сейчас радиосилос и викторина по телику, а сейчас будет газета мать твоя «Выборча», а завтра будет суббота, вот тебе, на тебе. Потому что зло это не улица и не район, зло это твоя голова, послушай мои слова, хотя в итоге бывают разные феньки и разные логи, сутки проходят мигом, а у тебя все так же невелик выбор, либо в центре убьют золотой финкой, либо на Праге дубинкой.

Ну что, лох, ты небось думаешь, это конец легенды о какой-то там Питц Патриции, конец детской сказочки о звездочке, которая не может светиться, о вербе, которая плачет, о куколке Мейд ин Чайна, у которой все кишки наружу нечаянно, думаешь, this is the end my friend, а МС Дорота уже пакует манатки, потому что сейчас будет фака-фака о джакузи и купающихся ребятках, о нет, нет, нет, уж поверь мне, это песня о любви, а не о хвжп и не о девчушках-резвущках в купальных костюмчиках с попками, но без голов, ЕС Секерки и ЕС Кавенчин, если ты думаешь, что будет так, это твоя ошибка, чувак. Пе И Те Це Патриция, да у нее ж было всё, что советовала «Филипинка», духи Рыкель Соня и помада с блестинкой, золотые сигареты и ароматические браслеты, тоник акнозан и карандаш подводить глаза, так почему же сидела она вечерами за стеклопакетом пвх, в позиции готовности к любви, но, ха, лишь ангел безобразный к ней приходил, с одним крылом и пластиковой сумкой «Сполэм» на кривоватой голове, и опираясь на подушки, они вкушали птичьи тушки, она и он, одни в ту злую ночь, и спать не спали, как тут спать-то, если выше этажом мужик и баба громко занимались сексом, ах-ах, эх-ха, как курву полируй меня, а слепое эхо несло через открытый балкон, хе-хе, подвизгивая «а ты нет а ты нет никогда никогда ни еще ни уже», и газета «Нет» спонсировала этот вопль, хе-хе.

Короче, они часами глядели городу в слепнувшие глаза, тщаьс угадать в отдаленном блеске выгодный заем, Питц Патриция пребывала в западне отчаянных грез о том, как она, ночью даже, идет такая красивая-красивая по дикому-дикому пляжу, одежда на ней из денег, а глаза из брильянтов и диаментов, такая красивая-красивая, как те девицы, не выделяющие экскрементов, и все хотят ее так сильно-сильно, все ее так желают, что едут за ней в тотальном стояке на радужном грузовике, а она только нажимает «СВАЛИВАЙ CANCEL».

Эй люди, вот вам байка, сделайте погромче, вы, потому что это история о любви, я как кровь ее вам несу, в кулаке стиснув, да, это вам не песенка про то, как льется вода, вырезай купоны, собирай бонусы, посылай призы, «кто играет, тот выиграет» — как говорил Платон, зырь, «ехал Грека через реку» — как утверждал Сократ, мне девятнадцать лет, и мне не нужна личность, потому что у меня есть характер. Любовь? Я уже четыре года ее делаю, ты не спрашивай, я не вру, я делала ее во всё, в рот и в зад, в подмышку и в ухо, в глаз и в дыру. Как говаривал Хайдеггер, «под липой росла лебеда», как заметил Делёз, «мы оттуда идем в никуда».

Короче, сегодня торжественно будет закрыт кинотеатр ваших иллюзий «Радуга», так что не думай, что жизнь игра, газетка из ашана, где ты так чертовски свободен, да и не ты один, потому что именно ты выбираешь самый дешевый маргарин и газированную мочу по девяносто девять вдобавок, а Бог на небе радуется, что положил тебе под елку такой чудесный подарок, от китайца шкварок, он так постарался, чтоб ты был первым, распродажа калесраки-ашан, резинки любых цветов, фасонов, размеров. Короче, если тебе показалось, осел, что ты знаешь о мире всё, потому что утром в метро читал дармовую газету, то ты ничего не знаешь об этом, потому что не знал никогда Патрицию Питц, не видел ее печальных ресниц, под которыми тускло мерцают глазешки, как баночка с мочой от кетчупа «Пудлишки». Где-то она теперь, Патриция Питц, может, спит, и ничего ей не снится, или идет по улице с пустой маткой Питц Патриция походкой шаткой, и все дети кричат сдуру, ну и уродина, ну и курва. Эй ты, лох, я тебе говорю, тебя спрашиваю, эй, минутку. Что ты будешь делать, если к тебе заявится эта уродина жуткая и тело свое принесет, похожее на завтрак туриста, и чтоб тебя соблазнить, завращает глазками быстро, что ты будешь делать, ведь ты же добрый, не злой, а если это Христос в костюме Патриции хочет делать это с тобой? Подумай об этом.

Старик, я тебе так скажу: Пе И Те Це, Питц Патриция, естественно, о мужчинах думала, хотя и была некрасивая, и наконец появился мужик, артист-вокалист, звали его Ретро Станислав, запомни эту фамилию и это имя, потому что это прекрасное имя для мужчины, для артиста-вокалиста прекрасное имя, но прежде чем это случилось, у нее уже была позади первая большая любовь, а как это было? Годом раньше гнил над городом розовый ранний вечер, и небу стыдно было светиться, в ватине выхлопных газов по улице шла Патриция, и тут появился он, ох и ах, несмотря на теплое время года он был в сапогах и противно вонял, «алло можно вас» — так он ей сказал, она думала, он хочет денег на вино и на водку, а это пришла к ней любовь желанная, большая, хотя и очень короткая. «Я уже давно за тобой иду, я заметил, что у тебя искривление позвоночника, я Мариуш, я по профессии массажист, я хотел бы тебя массировать везде, что ты имеешь против, скажи. Я, я очень люблю стирать, я хотел бы к тебе зайти, когда ты будешь одна, постирать твою одежду, лучше всего штаны, если ты согласна, не будешь ли ты против, если я обнюхаю их в шагу, и не будет ли твоему парню неприятно. Любые брюки, какие хочешь, могу. Мне девушки иногда свои брюки приносят, чтоб я эти брюки стирал, у меня есть порошок и все что надо, только чтоб были ношенные, понимаешь, что я

имею в виду, юла, всякие брюки, брюки-юбки, брюки-шорты, брюки-джинсы, брюки-бриджи, брюки-брюки, брюки-колокола».

Как, уже? — все ей тогда показалось отчаянно коротким и как горошек крошечным, шнурки в ботинках ветер ей развязал, мусором рот набил, а Бог сидит на небе и над ней смеется, заказала пирожное, а получила печеньеице с пола, пожалуйста, это тебе, хе-хе, вот она, твоя величайшая мечта, жуй скорей, а то папа отберет и отдаст голубям, и тогда она сказала ему: «Спасибо за комплименты, но это не ко мне, вообще вали отсюда, ты думаешь, что ты себе вообразил, приятно познакомиться, но что ты можешь мне предложить, знаю, ты меня любишь, не спорю, но эта любовь, увы, твоя большая ошибка, и мне очень жаль, не звони, не спрашивай, не проси. Ты что думаешь, я никому не нужна? Да таких, как ты, у меня тысяч сто, под домофоном стонут, открываю, а они на коврике на коленях стоят, но их иллюзии это Кинотеатр «Радуга», Мирослав Пенчак у тебя дома в гостях, нет, нет и еще раз нет, никогда я с тобой не буду, сваливай, я тебя не хочу, на кого ты вообще похож, ты же нищий и противно воняешь, Артур Гроттгер «Осталась только нищета», Катажина Козыра, воротник из собачьей падали, а эта твоя рожа, это твое развороченное рыло, кто тебе его так уделал, скажи, кто тебе так удружил, дешевый алкоголь гены тебе замутил, может, тебе веревка нужна, одолжить на веревку? Не звони, это ошибка, хотя где-то, говорят, есть одна девка, звать Питц Патриция, она дико, почти так же, как ты, страшная, и может быть, ты позвони ей, спроси, потому что я — нет, я сейчас иду в Галерею Центрум, в манекены сдаваться, сорри бай бай, свали отсюда, спасибо за дерьмовые комплименты».

Перевод Андрея Базилевского

СТИХОТВОРЕНИЯ

Слова

Слова мои так хрупки, так слабы. Друг за другом
Бескрылые несутся, взлететь не могут. Слепнут.
Толпятся там, на дне, и мечутся по кругу.
Ползут впотьмах — и я за ними следом...
Им кажется, вот-вот они взовьются ввысь,
Постигнут то да сё, и прочее — иное.
То сохнут, то дрожат. А сами-то взялись
Откуда и зачем?.. Что им добро, что зло им?
Рождаются без сил. И всё их поражает.
Всё причиняет боль. Всё давит, мучит, гложет...
Они хотят — назвать, но свет их обнажает,
И умирают вновь. Я умираю тоже...

18 ноября 1995

Тебе нельзя забыть. Ты должен помнить всё.
Не дай себя сломать. Свобода это просто —
Как пар над чайником, рябина под дождем,
Как за окном зима и крест на перекрёстке.
Тебе нельзя забыть. Оттачивай же память.
Ты должен этим жить. Пусть даже страха трель
Задушит чистый звук. А ты шагни в метель —
Пускай шлифует стиль бушующая заметь.

Тебе нельзя забыть. И слух нельзя утратить.
Тебе нельзя молчать. Спасенье только в том,
Чтоб слово грянуло, когда ударит гром
И сердце застучит в дно бытия, как дятел...

13 декабря 1981

Портрет матери художника в старости

Она уже не знает. Всё когда-то было...
С трудом под подбородком завязан белый чепчик.
Лицо почти исчезло. И только губы шепчут
Слова без смысла. Будто язык лишился силы.
Всё застывает. Звуки беззвучны на устах.
Губ уголки залиты пьяной пеной.
И ничего нет впереди. За сценой —
Бездвижное ничто. Сплошная чернота.
Сухие руки ищут в черной муфте
Всё то, что не найти, всё то, что не назвать...
Дыханье всё слабей. Алмазная слеза —
Стеклянный паучок — на блузке.
Мышь спит в мозгу под пение дрозда.
Дрожит рука. Слоится сон. А свет — оттуда —
Далекий и чужой. Ему не разгадать
Всё то, чего уж нет, всё то, что было чудом.

15/16 декабря 1991

Слова

Слова мои так хрупки, так слабы. Друг за другом
Бескрылые несутся, взлететь не могут. Слепнут.

Толпятся там, на дне, и мечутся по кругу.
Ползут впотьмах — и я за ними следом...
Им кажется, вот-вот они взовьются ввысь,
Постигнут то да сё, и прочее — иное.
То сохнут, то дрожат. А сами-то взялись
Откуда и зачем?.. Что им добро, что зло им?
Рождаются без сил. И всё их поражает.
Всё причиняет боль. Всё давит, мучит, гложет...
Они хотят — назвать, но свет их обнажает,
И умирают вновь. Я умираю тоже...

18 ноября 1995

Тебе нельзя забыть. Ты должен помнить всё.
Не дай себя сломать. Свобода это просто —
Как пар над чайником, рябина под дождем,
Как за окном зима и крест на перекрёстке.
Тебе нельзя забыть. Оттачивай же память.
Ты должен этим жить. Пусть даже страха трель
Задушит чистый звук. А ты шагни в метель —
Пускай шлифует стиль бушующая заметь.
Тебе нельзя забыть. И слух нельзя утратить.
Тебе нельзя молчать. Спасенье только в том,
Чтоб слово грянуло, когда ударит гром
И сердце застучит в дно бытия, как дятел...

13 декабря 1981

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ

Кшиштоф Цвиклинский (р.1960) по возрасту принадлежит к поколению «бруЛьона» [«черНовика»], именуемому так по названию важнейшего журнала этой генерации. Однако Цвиклинский, ровесник Яцека Подсядло и Мартина Светлицкого, уже в момент дебюта (1983) заявил о себе как сторонник классицизма. Приверженность традиции, представленной в послевоенной поэзии именами Збигнева Херберта или Ярослава Марека Рымкевича, в его творчестве обращена к глубинному истоку, раннему барокко, в частности, к поэзии Миколая Сеп-Шажинского. В своей первой книге стихов «После ухода» он прямо указал на своего великого предшественника в стихотворении «Миколай Сеп de ordine rerum»:

*И эти две стихии неотвратимо — в нас,
То мрачная скала, то свет, горящий жарко,
Одна любовь срывает покровы в смертный час,
Ей смерть — не госпожа, но робкая служанка.*

(Пер. Андрея
Базилевского)

Здесь заметна склонность к архаизации языка, почти угасшая в позднейшем творчестве Цвиклинского. Заметна и типичная для барокко игра парадоксами, лежащая в основе эстетического воздействия. При этом в сборнике «Капелька крови» (1999), в программном стихотворении «Слова», мы находим фундаментальное противоречие, воплощенное в обреченном на неудачу усилии описать мир словом: «Слова мои так хрупки, так слабы. Друг за другом / Бескрылые несутся, взлететь не могут. Слепнут». Стремление дать слову крылья — составляющее суть поэтического труда — кончается катастрофой, выраженной в финале стихотворения: «И умирают вновь. Я умираю тоже...»

Цвиклинский — несомненно, поэт «высокой ноты» как в стилистике, где отчетлива забота о форме и риторические кутурны, так и в том, какое пространство он осваивает; здесь точка отсчёта — «последние вопросы»: смерть, бренность,

мимолетность существования. Несомненно, это лирика, далекая от проблем обыденности, от жизненных реалий. Поэта интересует усилие постичь скорее смысл бытия, чем изменчивые и непостоянные обстоятельства жизни, скорее надвременное взаимопонимание, чем поиск общности в пространстве того, что обречено на случайность «здесь и теперь». Действительность этих стихов — неопределенна, чуть сонна, размыта. Здесь всегда одно и то же: «И формы всех предметов — как за стеклом туманным». Или в другом тексте: «Всё так скоро теряется в дымке зеркальной». Зеркало, оконное стекло — субституты сознания: мир не дан непосредственно, он, как в платоновской пещере, всегда отражает действительность «истинную». Истинная действительность недостижима, но ее стоит искать, хотя поиск обречен на неудачу.

Однако сон до боли реален. В том же стихотворении читаем: «Это сон, но он воплотится. (...) Треснет явь, словно кость, / и вечность раскроет врата». Только в этом пространстве обретает истинность обращение к Той, кого ни в одном стихотворном цикле поэт не назвал по имени: «Тебе, которой не было, — Тебе, которая есть». Этот призыв укоренен в ценности чувства, в ощущении ценности любви, постоянно призываемой в этой поэзии, ибо любовь — единственная стихия, способная противостоять смерти. Любовь и смерть — два главных героя, сталкивающиеся в этих стихах и борющиеся за душу человека.

БИБЛИОТЕКА «РУССКИЕ КНИГИ»

Вот уже полтора десятка лет варшавский стадион 10 летия остается самым большим в этой части континента базаром под названием «Ярмарка Европы».

Библиотека «Русские книги», сектор 38. Зеленый фанерный ларек. Несколько десятков белорусских книг, больше тысячи русских. Видеокассеты, DVD, кассеты и компакт-диски с русской музыкой. За прилавком Виктория — 25 лет, гражданка Белоруссии, неполное среднее образование.

— Бумаги не в счет. Важно, что у кого в голове, — говорит она.

Виктория — загорелая, мускулистая, огненно-рыжая. На руке большая татуировка: оскалившееся в улыбке солнце или подсолнух — кому как больше нравится. На лопатке крадущаяся лесная зверюшка.

— У нас в библиотеке есть белорусские словари, которыми интересуются студенты и профессора университета, немного классики: Янка Купала, Максим Танк. Из русской литературы больше всего детективов. Клиенты устают после работы, и им не хочется читать ничего сложного. Только некоторые берут современных русских писателей: Улицкую, Черпакова, Аксенова. Из иностранцев лучше всего идет Пауло Коэльо, — рассказывает Виктория.

Постоянных читателей около пятисот: студенты, журналисты, профессора, аспиранты, работники стадиона и других базаров.

— Ну, мама, раз уж договорилась, так и разговаривай теперь с пани! — покрикивает Виктория на Светлану. — Человек специально пришел, а ты говорить не хочешь?

Светлана пожимает плечами, словно желая сказать «ладно, ладно», берет красную подушку и приглашает меня в более спокойное место.

Светлана основала библиотеку девять лет назад. Последние три года всем заправляет Виктория, так как мама плохо себя чувствует и много времени проводит дома: читает, немного пишет. Уже три года Светлана работает корреспондентом

«Брестского курьера». Она писала статьи о трудностях с польскими визами, о торговле женщинами, о том, как живет в Польше людям из бывшего Союза.

— За семь лет я притащила в Варшаву несколько тысяч килограммов книг. Вставала около пяти утра, ехала на стадион и — в мороз ли, в жару — стояла в ларьке, выдавая книги. На этом деле я лишилась зубов, да и другие болезни подцепила, — говорит Светлана.

Мы сидим на каменном парапете. Светлана — на красной плюшевой подушке. Мы меняемся: то я сижу, то она.

— Я вышла замуж. Но счастлива не была.

Когда Светлана в первый раз приехала с дочерью в Варшаву, в их больших сумках была одежда, мелкие электроприборы и множество других вещей.

— Я ездила с подругой. У нас был совершенно одинаковый товар. У нее люди покупали, а у меня — нет. Может, потому что я все время книжки читала, вместо того чтобы с покупателями разговаривать, — Светлана улыбается один-единственный раз за все время. — После работы люди уставали, сидели дома и охотно брали почитать мои книги. Так что через какое-то время я начала ездить только с книгами.

— Тогда на стадионе люди сколачивали состояния, дневной оборот базара исчислялся в сотнях тысяч долларов, а мама хотела книжки. Почему? Ни на что другое она не годилась... — Виктория делает печальное лицо, но в ее голосе чувствуется симпатия к матери. — Она думала, что у нее какая-то просветительская миссия.

— Я чувствовала моральное удовлетворение от того, что я делаю. Я создала нечто уникальное — единственное такое место в Варшаве, а может, и во всей Польше: библиотеку белорусских и русских книг. Благодаря мне люди читали, — говорит Светлана.

Библиотеку «Русские книги» на стадионе знают и уважают. Чтобы взять книгу, надо оставить до 20 злотых в залог и платить около четырех в месяц. С клиентов, которые читают быстро и отдают книгу через два дня, библиотека берет по 50 грошей в сутки. Это по карману каждому.

В зеленом фанерном ларьке зимой очень холодно, но летом вполне приятно. Кругом книги, газеты, женские журналы — все кириллицей.

Когда Светлана и Виктория раскручивали свой бизнес на стадионе, они решили снять поблизости недорогую комнату. Конечно же, выбор пал на Прагу (правобережный район Варшавы, где, в частности, расположен стадион 10-летия — Пер.).

Виктория рассказывает:

— Как-то пришли к нам двое грузин-рэкетиров. Мама несколько раз заплатила, но в конце концов они потребовали такую сумму, которой у нее просто не было. Они угрожали, что сделают что-нибудь со мной или с Дарьей. Тогда мама вывесила табличку: библиотека закрыта. Когда другие грузины узнали, что всё из-за этих двоих, они им так морду начистили, что мало не показалось. Ну а мы могли работать дальше. На стадионе есть разные люди, но я чувствую себя здесь хорошо.

— Мы поселились на Сталёвой, — говорит Виктория. — Пришла зима, и случилось, что я не могла открыть дверь в квартиру — примерзала. Мы переехали на Зомбковскую. Там все было в порядке, но хозяева жили в соседней квартире, а это были алкаши. В Рождество пьяная хозяйка сказала, что всё, мол, наснимались, вызвала полицию, и мы в течение часа должны были покинуть помещение, хотя мы платили и ничего плохого не происходило. Просто ей взбрело в голову.

119-й автобус доезжает до кольца. Мы выходим, идем мимо стройки какого-то офисного здания. Слева стоят блочные дома в несколько этажей.

— Здесь живут болгары, там — корейцы.

Окруженные металлическими заборами дома — анклав сотрудников посольств, консульств и торгпредств бывших соцстран. Когда-то здесь жили исключительно официальные лица. Сегодня — простые граждане. «Русский квартал» состоит из трех домов. Тут живут все народы бывшего СССР. Кроме украинцев.

— Все украинцы переехали после распада Союза. Чтобы показать, что Украина — отдельное государство и как они этому рады.

У Светланы и Виктории трехкомнатная квартира на четвертом этаже. Под ними живет белорусский вице-консул, наверху — консул, пресс-атташе, торговый атташе и другие чиновники.

Когда Виктория открывает дверь, на нас вылетает псина с огромной пастью. Виктория щебечет: «Коксик, Кок-сик!». В

кухне на столе сидит плюшевая лягушка. Когда Виктория нажимает на лапу с красным сердечком, лягушка начинает петь голосом Луи Армстронга «What a Wonderful World». Виктория угощает меня капучино с ликером, достает старые альбомы. Первая фотография — сорокалетней давности: Светлана с мамой в лучах солнца, в одинаковых платьях, которые ее мама сшила сама. Светлана хорошенькая, нежная, больше похожа на испанку, чем на славянку. Через несколько страниц — 30 лет назад. Светлана и Валерий. Он — широкоплечий блондин с бакенбардами и обольстительной улыбкой. Вместе они — прекрасная пара. Пять лет назад: Светлана в ларьке на стадионе, улыбающаяся, в парике.

— Зимой парик — это очень удобно. Голове тепло, — говорит Виктория.

Владелец базара фирма «Дамис» подписала со съемщиками ларьков договор до конца 2006 года. Что будет потом, никто не знает.

— Может быть, я открою библиотеку в Центре российской науки и культуры, который откроется после ремонта здания торгпредства России, — мечтает Светлана.

— В Белоруссию мы точно не вернемся, — говорит Виктория. — Я для этого уже не гожусь. Там иначе относятся к работе. Женщины после пятидесяти превращаются в сторбленных бабушек в платочках. Люди в общении неприятные, резкие. В магазинах полно просроченных продуктов, а претензии никого не волнуют. В Польше лучше, приятнее, люди более милые, веселые.

Недавно Виктория купила йогурт, просроченный на один день.

— Я сказала об этом продавщице, получила новый йогурт, а на прощанье услышала: «И успокойся, ты не у себя». Я часто это слышу. Обидно, конечно, но что делать — я уже смирилась.

Виктория любит свою работу и хорошо с ней справляется.

— Я плачу налоги. Каждые полгода я должна возобновлять вид на жительство. Один раз мне отказали, а в обосновании написали, что наша деятельность «нежелательна для общества». Я попросила помочь СМИ и в конце концов карту получила.

Светлана признается, что она робкая, непрактичная, многого боится.

— Я всегда любила книги. А учительницей музыки стала, потому что в детстве мама меня спросила, хочу ли я быть учительницей, и я сказала, что да. Она отправила меня в музыкальную школу. Но я и так каждую свободную минуту читала. Это был мой способ выживания.

Виктория говорит, что раньше мама была энергичней, легко не сдавалась. Но эта энергия как будто уже кончилась. Теперь она слабенькая, и надо о ней заботиться.

— Я научилась пользоваться электродрелью, сверлить дырки в металле, в железобетоне, чинить разные вещи, управлять фирмой, — говорит Виктория.

Книги для библиотеки нужно везти на поезде, Виктория ездит за ними раз в два-три месяца. План поездки всегда один и тот же.

— Сначала еду поездом до Бреста, потом на автобусе в Минск. Приезжаю в пятницу утром, нанимаю машину и езжу по оптовым рынкам. У меня есть часик на газеты, часик на компакт-диски и кассеты, четыре часика на книги. Передышка. Вечером еду за другими книгами на ночной рынок для оптовиков. Там я покупаю последние новинки, пополняю запасы. В субботу объезжаю еще несколько оптовых складов, покупаю специализированные издания. Когда в поезде меня спрашивают, зачем мне столько книг, говорю, что я студентка. В воскресенье с утра я уже снова в Варшаве. Позади три бессонные ночи, а в воскресенье я работаю до часу дня. Не знаю, как мама выдерживала этот марафон. После работы я люблю ходить в спортзал, к косметичке, в парикмахерскую.

Виктория мечтает о собственной квартире. Ей бы хотелось отремонтировать и утеплить ларек на стадионе. Вместе с матерью она уговаривает Дарью закончить школу. Дарья закончила только шесть классов: ей пришлось прервать учебу, чтобы помогать в библиотеке.

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• Началась первая медиа-кампания, рек-ламирующая Польшу за границей. Пока что ролики, представляющие новую, динамичную Польшу, обращены к зри-телям западных телеканалов — они демонстрируются по британскому «Би-Би-Си» и американскому «Си-Эн-Эн». По времени показ роликов совпадает с очередными турами польских выборов, когда автоматически растет интерес к данной стране. «В этих роликах мы хотели показать, что Польша расположена в центре Европы (а для иностранцев это отнюдь не очевидно), что она — сердце Европы, придающее ритм этому региону», — говорит один из авторов сценария Томаш Хойнацкий.

• «Этот город создали четыре нации, — говорит основоположник лодзинского Фестиваля диалога четырех культур Витольд Кныхальский, — поэтому он идеально подходит для пред-ставления их культуры». Примеры этой многокультурности можно множить до беско-нечности. Приведем лишь слова Симона Романчука, православного архиепископа Лод-зинского и Познанского: «Лучшее доказатель-ство многокультурности Лодзи — это церковь св. Александра Невского. Председателем стро-ительного комитета был Карл Шейблер, бога-тейший немецкий промышленник, лютеранин. Здание церкви спроектировал римский католик Генрик Маевский, архитектор Лодзи. Деньги на внутреннее убранство пожертвовал Исаак Познанский, крупнейший фабрикант Моисе-евой веры, а освятил Церковь православный архиепископ Флавий. В Лодзи уже в XIX веке была объединенная Европа!»

• Польша была почетным гостем XVIII Московской международной книжной ярмарки. В рамках ярмарки состоялись встречи с Доротой Масловской, Войцехом Кучоком и Ежи Сосновским. Ярмарка со-проводжалась также не-большой выставкой, по-священной 25 летию «Солидарности».

• В последнее время в Поль-ше огромным успехом пользуются русские детек-тивы. Книги Александры Марининой и Бориса Аку-нина могут рассчитывать на верных читателей. В поль-ском детективе тон по-прежнему задает хорошо известная в России Иоанна Хмелевская, но по ее сто-пам идут и другие,

новые авторы. Самый интересный из них — Марек Краев-ский, который действие своих романов переносит в довоенный, еще немецкий, Вроцлав и терпеливо воссоздает как топографию, так и мифологию уже не существующего города. Недавно вышла его третья книга — «Призраки в городе Бре-слау». «Одно из существенных достоинств романа Краевского, — пишет Яцек Щерба, — это прекрасно узнаваемый старый Вроцлав (...) Насыщенность описаний касается не только внешнего облика, но и атмосферы, вкуса того города. Читатель (...) «увидит» изображенные в книге бары и бордели, словно сам в них побывал». Стоит упомянуть и авторов, ко-торые все чаще делают фоном детективных событий Варшаву, — таких, как Ирена Вуйтович («В целях самозащиты»), Иоанна Шимчик («Эва и золотой кот») или Кшиштоф Котовский («Зигзаг»).

- В Блажеевке близ Познани прошел 20-й ежегодный слет любителей фантастики со всей Польши «Полькон-2005». Его лауре-атами стали Яцек Дукай, награжденный за роман «Безупречное несовершенство», и Анна Бжезинская, получившая премию за рассказ «Воды глубокие как небо». В этом году слет носил юбилейный характер и изобиловал воспоминаниями. Один из прежних лауреатов, Марек Баранецкий, говорил, в частности, о проблемах с экра-низацией его книги «Голова Кассандры» в 1985 году. В книге речь шла о демонтаже ядерных ракет после третьей мировой вой-ны. «Все упиралось в цензуру, — говорил Баранецкий. — Загвоздка была в том, какие эмблемы должны быть на боеголовках, демонтируемых главным героем. Если советские — нехорошо, так как это пред-ставляет союзника в дурном свете. Если американские — еще хуже, поскольку это означало бы, что США победили».

- В Национальной библиотеке открылась вы-ставка «От «Букваря» до «Веселой школы». Учебники трех поколений», организованная по случаю 60 летия WSiP (польского Учпедгиза) — крупнейшего в стране издательства, выпус-кающего школьные учебники. «На этой вы-ставке тебя ждут волнующие минуты, незави-симо от того, любил ты школу или от всего сердца ненавидел, — пишет Беата Кенчковская. — Все это у тебя уже позади, и ты можешь с ностальгией рассматривать разные издания «Букваря» Мариана Фальского или деревянную школьную парту с чернильницей (...) Новые учебники и таблицы тоже представлены на выставке — юбиляр хотел похвастаться и ими». За последние семь месяцев доходы издатель-ства выросли на 18% по сравнению с анало-гичным периодом прошлого года.

- Вышел в свет последний, 30-й том Большой энциклопедии ПВН (Польского научного издательства), о которой ее главный редактор Ян Войновский говорит: «Наверняка [наша энциклопедия] еще долго будет вне конкуренции (...) Я участвовал в создании ее 12-томной предшественницы и хорошо помню, о чем тогда надо было умалчивать. Главное, что мы перестали быть чуть ли не последней крупной европейской страной, не имеющей собственной современной национальной энциклопедии, полной и не искаженной идеологической предвзятостью и цензурой. Теперь она у нас есть».

- Газета «Жечпосполита» опубликовала список бестселлеров первого полугодия. В категориях как художественной, так и документальной литературы целых 12 книг так или иначе связаны с Папой Иоанном Павлом II. А что еще? «Мир помешался на пункте заговоров, — пишет Анджей Ростоцкий. — Нынче в моде мрачные тайны монашеских орденов (...) и религиозных сект (...) Первая половина 2005 года показала также, что ничто не предвещает скорого низложения Катажины Грохоли. Она продолжает оставаться самым читаемым польским автором популярных романов».

- Долгие годы в Польше был только один Международный фестиваль песни в Сопоте, который медленно, но верно клонился к упадку. Однако в этом году на его месте появилось целых два мероприятия, и, по-хоже, у обоих есть шанс достичь уровня популярности первых Сопотских фестивалей. Фестиваль «Единицы» организовал первый канал государственного телевидения, а традиционный Сопотский фестиваль перешел в руки частного телевидения ТВН. Шеф государственного телевидения подчеркивает, что «два фестиваля не означают войны: чем богаче выбор программ, тем лучше для зрителей». Лауреатом Фестиваля «Единицы» стала группа «Зака-повер», а «Янтарного соловья» Сопотского фестиваля жюри присудило Анджею Пясецкому. В этом году публика действительно получила двойную порцию песен, однако во всех рецензиях звучала надежда, что через год организаторы обоих фестивалей смогут продемонстрировать нечто большее, чем дающая сегодня высокий зрительский рейтинг музыка 1980-х.

- Десять дней, 46 концертов и не-сколько столь же блестящих сопутствующих музыкальных событий — таков итог нынешнего юбилейного фестиваля «Wrocław Cantans» («Поющий Вроцлав»). Основателем этого ораториально-кантатного фестиваля был выдающийся дирижер Анджей

Марковский (1924–1986). «Фестиваль «Wratistavia Cantans», скромное начало которому положил в 1966 г. Анджей Марковский, повидал на своем веку всякое, — пишет Яцек Гаврилюк. — В последние годы уже сформировавшийся репертуар, сосредоточенный на представлении крупных ораториально-кантатных произведений, сделался несколько расплывчатым (...) Фестиваль начал смещаться в сторону менее взыскательной публики, привлекая легкими концертами и опасным, не слишком логичным разнообразием (...) В этом году программа вновь приобрела прежний характер, представляя важные сочинения, в том числе и исполнявшиеся впервые».

- Масштабным зрелищем на варшавской Театральной площади перед Национальной оперой было отмечено 110-летие кино. Концерт музыки к кинофильмам авторства знаменитых польских композиторов во главе со всемирно известными Яном П. Кач-мареком (лауреатом «Оскара»), Збигневом Прейснером и Войцехом Киларом сопровождался необычным спектаклем-пантомимой, посвященным истории кино, а также демонстрацией фрагментов фильмов и документальных материалов. «Мы хотим, чтобы Театральная площадь стала открытым художественным салоном, местом встреч варшавян и туристов», — говорили организаторы концерта, открывшего Европейский фестиваль киномузыки.

- На Венецианском международном кинофестивале фильм Кшиштофа Занусси «Персона нон гра» не удостоился премий, однако вызвал всеобщий интерес. Одну из главных ролей в этом фильме польско-российско-итальянского производства сыграл Никита Михалков. «Пресс-конференция после просмотра фильма показала, что как Занусси, так и Михалков могли бы быть послами своих стран, — пишет Тадеуш Соболевский. — Разговор касался Польши и России, Европы и мира. Меньше говорили о самой картине». Никита Михалков, в частности, сказал: «Эта грустная комедия касается деликатных вопросов нашего общего прошлого — зачастую трагического (...) полного взаимной ненависти и любви. Все это невозможно перечислить или забыть. Польша и Россия не могут повернуться друг к другу спиной».

- Актер и режиссер Ежи Штур, сыгравший в фильме «Персона нон гра» одну из главных ролей, получил премию им. Робера Брессона, присуждаемую (в частности Папским советом по культуре) за творчество в целом. В настоящее время Штур снимается в двух итальянских фильмах. На церемонии вручения премии он сказал: «Брессон относился к кино очень

серь-езно (...) Для меня фильм — это тоже нечто вроде исповеди, попытки поде-литься собственными стра-хами, опасениями, мечтами».

- После крупного успеха на кинофестивале в Карловых-Варах (главная премия, премии за режиссуру и за роль Кристины Фельдман) фильм «Мой Никифор» в ореоле славы вер-нулся на международные фестивали. «Уже давно ни один польский фильм не вызывал такого интереса во всем мире», — утверждает продюсер фильма. «Мой Никифор» будет пока-зан в Монреале, а также в рамках конкурсов в Вальядолиде, Афинах и Чикаго. Показать его стремятся смотрят интереснейших фильмов се-зона. Между тем его автор Кшиштоф Краузе завершил съемки следующей картины под названием «Площадь Спасителя» по сценарию, написанному им совместно с женой — Иоанной Кос. Это современная история обыкновенной семьи, в которой разыгрывается трагедия. «Это фильм об ответственности за другого человека, — говорит Иоанна Кос. — О том, что можно убить словами, что в жизни мы бездумно раним друг друга и иногда стечение различных обстоятельств может привести к трагедии».

- Роман Полянский ставит в варшавском театре «Рома» очередную версию своего «Бала вампиров». Его знаменитый кинофильм был затем перенесен на сцену в виде мюзикла и имел большой успех в Вене и Германии. О варшавском представ-лении режиссер говорит: «Мне было очень важно, чтобы в варшавском мюзикле были польские параллели. Альфред представлен в виде нашего польского романтического героя — это подчеркивает даже костюм».

- «Полвека, прошедшие с мо-мента открытия выставки в «Арсенале» и передачи поль-скому народу Дворца куль-туры и науки, ознаменова-лись серией выставок, из ко-торых сложилась более чем интересная панорама [Поль-ши] 50 х годов», — пишет Моника Малковская. Искус-ство соцреализма было пред-ставлено в гданьском Нацио-нальном музее (на выставке «Искусство соцреализма»), в столичной галерее «Сту-дио» и в Государственном этнографическом музее. Последняя выставка может показаться нынешней моло-дежи особенно экзотичной, ибо, согласно тогдашним ди-рективам министерства культуры, народные художники должны были помнить, что «идео-логическая борьба на отрезке народного ис-кусства означает его очищение от ханжества, а также шляхетского и буржуазного налета». Начавшемуся уже в середине 50 х годов отходу от соцреализма посвящены выставка в Гожуве-Велькопольском («50-летие «Арсенала»») и

две варшавские экспозиции: «1955 год» в «Кру-ликарне» и «Авангардная фотография 2 й поло-вины 50 х» в Национальном музее. Выставки эти были организованы в ознаменование исторической художественной манифестации, которая состоялась в 1955 г. в «Арсенале» под девизом: «Против войны, против фашизма». «Молодые художники, — пишет далее Мал-ковская об этой выставке, — были все еще близки к реализму. Самые смелые из них склонялись к экспрессивной деформации. Однако последствия их поисков оказались необыкновенно важны для польского искусства (...) Сегодня тогдашние искатели индивиду-альных методов в живописи стали классиками современности (...) Необузданные, написанные эмоциями композиции (...) прекрасно передают атмосферу эйфории после освобождения от соцреалистических ограничений».

- В Варшаве на 92 м году жизни скончался Генрик Томашевский, известнейший мастер польской школы плаката. «Для каждой темы он искал новое решение, ниспровергал стерео-типы, господствующие в прикладном искусстве, пренебрегал свя-тынями», — пишет критик (см. статью на стр. 60).

- «В отреставрированном доме в стиле модерн на Тумской улице в Плоцке время остановилось на рубеже XIX–XX веков», — пишет Агнешка Возняк. В этом доме разместился теперь прекраснейший в Польше плоцкий Музей модерна. «В новом здании мы можем предста-вить всю ту эпоху, стиль жизни, моду тех вре-мен, — говорит сотрудница музея. — (...) Мы перенесем посетителей в XIX век — век при-ятной жизни, красивых вещей и мягких, деко-ративных линий».

- Несколько польских музеев приглашают нас на виртуальную прогулку по своим за-лам в Интернете. Такую возможность предоставляют, в частности, Гданьский истори-ческий музей, дворец в Вилинуве, замок в Мальборке, Музей соляных копей в Велич-ке и Музей Варшавского восстания.

- Уже несколько сезонов подряд сериал «Л. как любовь», идущий по второй программе государ-ственного телевидения, остается самым популяр-ным на польских телеэкранах. Он описывает путь к счастью заурядной провинциальной семьи и пропагандирует прежде всего дружбу, терпимость и добрососедские отношения. «Л. как любовь» потеснил прежнего фаворита — идущий по первой программе «Клан». Высоким зрительским рей-тингом могут похвалиться также предлагаемые частным телеканалом ТВН современные бытовые сериалы «Кася и Томек» (в России он называется

«Саша и Маша») и «На Вспульной». А частный «Польсат» лидирует в производстве комедийных историй — самой большой популярностью про-должают пользоваться «Приемная семья» и ее продолжение «Приемная семья плюс», но на большую аудиторию может рассчитывать и фарсовый сериал «Мир глазами Скверных».

• IX Фестиваль науки, организованный варшавскими вузами и Польской Акаде-мией наук, — это большой научный пик-ник, охватывающий весь город и пригла-шающий к участию всех жителей столицы. «Что надо сделать, чтобы в объединенной Европе быть равноправным партнером, а не рабочим или техником, воспроизводя-щим чужие идеи? — пишут организаторы фестиваля. — Решающую роль сыграет здесь конкурентоспособность польских продуктов на мировых рынках, которая бу-дет зависеть не от физического труда, а от вклада научной мысли, умело преобразо-ванной с помощью техники (...) Необходи-мо убедить не только польских полити-ков, но и общество, что в науку ст?ит ин-вестировать. Именно от общества зависит, будет ли у нас достаточно средств на нор-мальное медицинское обслуживание, обра-зование, культуру и, наконец, — на достой-ную зарплату (...) Фестиваль науки — это вклад научной среды в мышление о лучшей Польше».

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Празднование 25 й годовщины «Солидарности» прошло удачно и, по польским условиям, без особого скрипа и ссор. Всё выглядело торжественно и достойно, порой даже возвышенно, что меня, однако, тронуло, потому что, как говорится в сказках, «и я там был, мед-пиво пил»: так сложилось, что большую часть забастовки на Гданьской судовой верфи им. Ленина в августе 1980 го мне удалось провести на ее территории. Я прибыл туда с копией письма представителей интеллигенции, поддержавших забастовку, а поскольку вдобавок я был одним из редакторов независимого литературного журнала «Пульс», то без труда устроился в самом центре творившейся тогда истории, которой, как это позже оказалось, предстояло стать одним из решающих эпизодов в послевоенной истории Европы. Когда мы выходили с верфи, один из моих друзей, даже не чересчур возбужденный тем, что мы пережили, спокойно сказал: «Знаете ли, мои дорогие, мы сейчас видели, как начался конец коммунизма». Ну, он еще некоторое время кончался, а теперь — теперь я могу вести эти обзоры на страницах «Новой Польши», журнала, выходящего в свободной стране, созданного же главным образом благодаря инициативе Ежи Гедройца, в те годы едва ли не главного объекта нападок властей ПНР среди эмигрантов, — пять лет со дня смерти Ежи Гедройца мы только что отметили.

Совершенно очевидно, что события, происшедшие четверть века назад, заставляют в такой момент задуматься. И неудивительно, что большинство наших журналов посвящает исключительно много места этой проблематике. Так обстоит дело и в последнем номере гданьского «Пшеглёнда политичного» (№72, 2005), в котором помещен целый блок материалов под общим заглавием ««Солидарность» — опыт и наследие». Этот блок открывается статьей Павла Спевака ««Солидарность» как обетованное отечество»:

««Солидарность» была свободна от всяческих «измов». Мы прекрасно знаем, что когда политические программы состоят из «измов» (либерализмов, социализмов, национализмов), это значит, что они перестают быть доподлинными, а преобразуются именно в «программу». Любой «изм» несет с

собой что-то катастрофическое, что-то, не дающее нам видеть действительность, воспринимать опыт вещей и нужды людей, ставя цельность собственных взглядов выше реальных человеческих нужд. «Солидарности» удалось не только отбросить любые «измы», но и просто не заметить их, не вдаваясь в пустые идеологические дискуссии. Если какой-то «изм» и можно найти, то было там что-то общее с антикоммунизмом. Но «Солидарность» не была тогда движением открыто антикоммунистическим, не была только негативным движением, движением «против». У нее был свой особый, не поддающийся натиску враждебности образ действий и мыслей. (...) «Солидарность» не выходила за рамки социалистического пейзажа экономики не только потому, что сильны были узы социалистической власти, но и потому, что экономическое воображение не заходило так далеко».

Это довольно очевидно — менее очевидны другие принципы этого «профсоюзного объединения»:

«Почти всех наблюдателей и участников движения «Солидарности» поражает, как в организации подчеркивали вес слова, дискуссий, переговоров, заботы о соблюдении правил демократии. (...) Можно сказать, что внезапно и в ранее не встречавшихся масштабах возникло сложное, многокрасочное сообщество общения, в котором важнее, чем добиваться своих прав, было обеспечить за всеми известное по древним Афинам право равного голоса — то, что называется «исегория». Здесь не обязательно говорить, как приходили к этому опыту. Стоит, может быть, только упомянуть, что «Солидарность» была не столько делом рук оппозиционной интеллигенции, издававшей, в частности, журнал «Роботник» («Рабочий»), сколько прежде всего результатом собственного социального опыта Гданьска, Щецина, Верхней Силезии. Я скорее противопоставил бы «теоретические» идеи интеллигенции практическому знанию заводских рабочих. Рабочие Балтийского побережья отнюдь не были сознательно экспериментирующими теоретиками демократии. (...) В сфере массового общения можно выделить по крайней мере два процесса: политическое и этическое общение. Оба уровня общения были не столько тождественны друг другу, сколько одно оставалось непонятным без второго. В сфере этического общения ключевое значение имело слово «достоинство». В программной резолюции записано, что «Солидарность» несет в себе «наследие независимой деятельности рабочих, интеллигенции и молодежи, труда Церкви по сохранению ценностей, наследие борьбы за достоинство человека в нашей стране». Покушение на человеческое достоинство

обнаруживали тогда, когда шахтерам предлагались очень высокие ставки работы по субботам и воскресеньям. (...) Это право на достоинство в польском контексте, контексте «Солидарности», приобретало смысл благодаря тому, что отражало объективный порядок вещей. А его не сохранить, если мы не предположим бытия Божия. Вера в Бога не была принципом, теоретическим постулатом — ее самым интенсивным образом чувствовали, особенно после первого паломничества в Польшу первого польского Папы. (...) Когда Лех Валенса в американском Конгрессе начинал свою речь словами «we, people», он не только цитировал американское кредо, но и выражал убеждение, что «мы» — это люди, которые, став на сторону «Солидарности» или хотя бы занимая по отношению к ней доброжелательный нейтралитет, становятся на сторону народа и одновременно его главного нравственного наследия».

Через 25 лет после возникновения «Солидарности», пишет Спевак, «мы испытываем политическое отчуждение. Мы чувствуем себя чужими в своей стране и хотя в опросах социологов подчеркиваем свой патриотизм и национальную гордость, но если вникнуть глубже в «коллективную душу», то оказывается, что мы даем очень плохую оценку своему национальному сообществу».

В заключение статьи Спевак пишет:

««Солидарность» с республиканскими традициями отошла в прошлое. Она перестает вдохновлять. Она утратила свое сияние. Можно сказать, что она не столько наше обетованное отечество, сколько отечество утраченное. Трудно сохранить в нормальные времена высокие требования и то эмоциональное напряжение. Однако опыт «Солидарности» и коренящаяся в нем память (...) оставляет нам два общественных чаяния: первое — это жажда участия, которая переводится в идею гражданского общества, а не только процедурную картину демократии (польская «Солидарность» и пробудила всемирную, весьма плодотворную дискуссию об этом). А второе — это жажда выразительного нравственного сообщества. То и другое вместе составляют наследие, которое по-прежнему требует воплощения в жизнь».

Блок текстов в «Пшеглёнде политичном» завершает статья Ядвиги Станишкис «Четверть века спустя после Августа 80 го». Автор подчеркивает, что движение «Солидарности» было первым, которому удалось установить «иное, нежели партийное, представительство рабочих». Далее она пишет:

«Однако столь же, а с нынешней точки зрения, пожалуй, и более важным аспектом августовских забастовок было восстановление в людях нравственного ощущения себя субъектом, а не объектом. Речь идет об обретении способности отличать добро от зла и воссоздания внутреннего достоинства, когда знаешь, в каких случаях следует сказать «нет»».

Говоря о нравственном падении под властью коммунистов, автор указывает на силу возрождения:

«А все-таки — забастовки солидарности в защиту более слабых, то есть во имя ценностей, а не материальных интересов, вызвали чудесное продолжение событий. Сначала люди обнаружили, что они лучше, чем сами думали, и что другие — до сих пор им чужие — тоже так думают. Затем они осознали, что жаждут защищать это свое заново открытое достоинство, вытекающее из готовности пойти на риск во имя ценностей. И, наконец, они констатировали, что язык этических категорий (добро — зло, правда — ложь), этот язык, который они носили в себе, но до сих пор не использовали (ибо люди чувствовали себя не только запуганными коммунизмом, но и внутренне сломленными), что этот обретенный язык может помочь при изъяснении сути конфликта между обществом и коммунистической властью как конфликта и борьбы добра со злом. Этот механизм этического опыта как опыта познавательного, когда переживание (риск во имя ценностей) восстанавливало в людях внутреннее право пользоваться языком нравственности и позволило увидеть в символически сжатом виде, что такое коммунизм по своему существу, — не только пустил в ход небывалую общественную энергию, но и стал основой утопии «Солидарности». До сих пор некоторые из нас, кто был тогда на верфи, помнят сопутствовавшую событиям атмосферу праздника. Простые люди, скованные до тех пор не только страхом, но и языковыми барьерами, не позволявшими ясно выразить суть конфликта с коммунистами — а те использовали для усмирения протестов конкретность, неотложность, локальность, — открыли язык этических ценностей в качестве первого своего собственного языка описания публичной сцены».

Ядвигу Станишкис, выдающегося социолога и политолога, тогда, вероятно, не трогали ни живой отклик на стихи великих польских поэтов-романтиков в исполнении актеров прибывшего на верфь театра «Побережье», ни тем более десятки стихов, написанных бастующими рабочими на тот же самый романтический манер, размножавшихся в десятках экземпляров и массово распространявшихся как среди самих

бастующих, так и среди тех, кто приходил к верфи выразить им свою поддержку. Меня это, разумеется, интересовало, как и тот факт, что большинство среди издававшихся в 1980–1981 гг. нескольких тысяч бюллетеней «Солидарности» по всей стране печатали — рядом с сообщениями о положении на предприятии, в регионе и во всей стране — поэзию, в том числе и, казалось бы, «трудные» стихи Станислава Баранчака или Рышарда Криницкого. Этот феномен еще ждет описания, но нет сомнения, что он вписывается в наблюдение Станишкис насчет особой чуткости всего движения к весу слова. Поэтому заслуживают внимания и раздумья автора о наследии «Солидарности»:

«Нынешнее исчезновение символического пространства, невозможность взаимопонимания с молодежью и вездесущность бесстыдства могут быть преодолены только возвращением к тому, что в Августе было важнее всего, — к той потребности воссоздать в себе нравственную субъектность. Без этого мы перестанем быть обществом, способным к сотрудничеству, порывам воодушевления и взаимной помощи. Ложь, отсутствие стыда, смерть символов, которыми злоупотребили люди, не имеющие на них внутреннего права, потеря памяти о том, чем был коммунизм, и наглость бывших оппортунистов так же опасны, как паутина служб и их клиентов, опутывающая государство и экономику. Чтобы бороться с этой паутиной, нужна внутренняя опора и общественная энергия, исходящая, как в августе, из веры в себя и других, из возвращения надежды и смысла слов. Только тогда мы вернем себе молодежь, которая в последнее время поняла часть опыта «Солидарности», наблюдая аккумулярованную энергию толпы на киевском Майдане Незалежности, энергию неорганизованную и потому опасную для власти, ибо она не дает себя покорить. Энергию, прибавим, которая неожиданно появилась вокруг символов «мы — они» и так же внезапно исчезла, столкнувшись с гущей невнятной политики. Необходимость нравственной революции в Польше требует сегодня, чтобы молодежи показали иное лицо «Солидарности» — лицо праздника открытия личностью своей собственной нравственной субъектности. Не сила масс, а это открытие составляло секрет энергии «Солидарности»».

Под конец обращусь к заметкам Яцека Жаковского «Что нам осталось от карнавала» («Политика», 2005, №35). Карнавалом стали называть время между выигранной в 1980 г. забастовкой и введенным в декабре 1981 го военным положением. Жаковский пишет:

«Мы развалили дурную систему, которую презирали. А вдобавок мы это сделали с умом. Ядвига Станишкис написала, что это была самоограничивающаяся революция. Мы это чувствовали и были этим горды. Радикалов с обеих сторон мы считали дураками или советскими агентами, которые хотят уничтожить нашу свободу. Потом это частично подтвердилось. (...)

Искусство состояло в том, чтобы шаг за шагом отталкивать, размягчать коммунистов и отобрать у них государство, которое они себе присвоили. Это удавалось. Смысл жизни тогда налился мышцами, как никогда раньше или позже. Каждое поколение в каждой нормальной стране должно иметь право на такое приключение. Если бы не тот факт, что мир этого, наверное, не выдержал бы.

Мы знали, что это опасно. Яцек Куронь говорил, что независимая от властей «Солидарность» в ПНР — как поезд, который мчится по рельсам вне всякого расписания, поэтому рано или поздно произойдет столкновение».

Столкновение, как известно, произошло, и поезд остановился на восемь лет. Жаковский пишет:

«Наши (...) дети выросли на мифе Икарова полета первой «Солидарности». К этому мифу не очень подходит мир, который они видят вокруг. Мы, поколение «Солидарности», ставили под сомнение компромисс старших с ПНР. Они, поколение Иоанна Павла II, ставят под сомнение наши компромиссы с тем, что осталось от ПНР. (...) Они опоздали на нашу революцию и теперь должны делать свою. Конечно, не все. Конечно, на этом поживятся старые интриганы. Конечно. Мы всё это знаем. Им это предстоит пережить. Различия серьезны. Иной масштаб личного риска, закон позволяет больше. Мы живем в свободной стране. Прежде чем это поколение не подросло и не начало занимать сцену, казалось, что измученные двухсотлетними боями поляки совершенно ушли в приватность. Но дух гражданского сопротивления в Польше все-таки возродился. Слава Богу. И в значительной степени — благодаря мифу «Солидарности»».

Что ж, сейчас в Польше много говорят о необходимости нравственного обновления, о надвигающейся нравственной революции, о необходимости ликвидировать Третью Речь Посполитую и заменить ее Речью Посполитой №4. Дело в том, что все эти слова раздаются скорее из уст поколения «Солидарности», чем из уст молодежи. А вышеназванное

«поколение Иоанна Павла II» — это скорее благое пожелание, нежели действительность. Но — проживем, увидим.